

Л.П. Грот

РАННИЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН В ОСВЕЩЕНИИ ШВЕДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблемы формирования шведской государственности всегда занимали важное место в шведской историографии. Однако такое понятие, как «ранние формы политической организации», является достаточно новым, поскольку вошло в научный обиход в последние десятилетия прошлого века, после того как в европейской науке, начиная с 1960-х гг., получили развитие концепции о поэтапной эволюции позднепервобытных обществ и стал исследоваться такой тип социополитической организации, как *вождества*. В данной статье освещены два вопроса: как сложившиеся ранее шведские историографические традиции повлияли на современные поиски критериев характеристики ранних форм политической организации в истории Швеции и как теория *вождества* (*hövdingadöme*) использовалась в исследованиях по проблематике шведского политогенеза.

Определяя характер ранее сложившихся шведских историографических традиций в освещении собственного политогенеза, можно констатировать, что начиная «с яиц Леды» и до 1960–1980-х гг., когда в науке появились новые типологии архаичных обществ, дискуссии о путях развития государственности шли в русле, сложившемся еще в эпоху Просвещения, когда в истории человечества стало усматриваться наличие двух строго определенных периодов — первобытности и государственности, рождавшейся сразу из первобытности.

В силу этого подхода, доминировавшего, собственно, во всей европейской исторической науке, шведскими историками во главу угла ставился вопрос об определении того момента, когда возникло шведское королевство, или *rike/пейх*, что было равнозначно завершению первобытности и одновременному началу государственности в Швеции. Посколь-

ку до недавнего времени при анализе проблем возникновения государства в соответствии с упомянутой традицией эпохи Просвещения полагали, что наличие королевской власти в обществе уже свидетельствовало о государственном характере его политической системы, в шведской историографии, как, впрочем, и в историографиях других западноевропейских стран, поиски хронологической границы, отделявшей первобытность от государственности, сводились прежде всего к тому, чтобы отыскать в источниках наиболее ранние упоминания о шведских правителях с титулом королей, а также найти данные, подтверждающие, что под властью одного из этих королей была объединена территория, которую можно было бы отождествить с ядром современного государства. К специфическим факторам, осложнявшим исследования проблематики шведского политогенеза, следует отнести устойчивую традицию мифологизировать свою историю и населять ее правителями как достоверными, так и легендарными для удревления своих исторических корней.

В Скандинавских странах эта традиция начиная с XV в. развивалась в русле готицизма — особого идейно-политического направления, сторонники которого стремились возродить и показать великое историческое прошлое древнего народа готы, прямыми предками которого считали себя народы Германии и Скандинавских стран. Готицизм позволял мифологизировать историю скандинавских народов, придавая ей большую древность, чем это позволяли источники. В таком духе писал, например, «отец шведской истории» Эрик Олай (ум. 1486) — автор «*Chronica regni Gothorum*», работы, где с опорой на традиции испанской средневековой историографии провозглашалось, что Швеция — это легендарный остров Скандия/Сканца, то есть прародина готы, завоевавших Рим. Этой же традиции следовал крупнейший представитель шведского готицизма XVI в. Иоанн Магнус (1488–1544), капитальный труд которого «*Historia de omnibus Gothorum Sveonumque regibus*» был опубликован в 1554 г. в Риме [Грот 2010б: 118–139; Johanneson 1982: 40, 80, 103, 120–122, 134, 145; Nordström 1975: 39, 133, 140, 159; Svennung 1967: 68–96].

Готицизм с самого начала развивался при активной поддержке правителей Скандинавских стран. Так, идеи готи-

цизма крайне интересовали шведских правителей периода Кальмарской унии (уния между Данией, Швецией и Норвегией, существовавшая с перерывами с 1389 по 1520-е гг.), поскольку в них усматривалась возможность для культурно-идеологического обоснования стремления шведской знати разорвать Кальмарскую унию и восстановить суверенитет шведской короны. Таким образом, отыскание и подбор аргументов, которые доказывали бы первенство и особое положение Швеции в реконструируемой древней истории готов, становились насущной политической задачей. При поддержке королевской власти идея Швеции как прародинны готов быстро укоренилась в шведской историографии и получила дальнейшее развитие в последующие годы. Такие работы, как вышеупомянутый труд И. Магнуса, сделались официальной историей Швеции на долгие времена [Johannesson 1982: 277; Latvakangas 1995: 104–105].

В XVII–XVIII вв. тенденция мифологизировать шведскую историю и уводить ее в еще большую древность продолжала нарастать. В период с 1610 по 1613 г. шведский языковед и влиятельный сановник Юхан Буре (1568–1652) стал пропагандировать мысли о том, что античные мифы о гиперборейцах также являются забытым источником по древнешведской истории. Мысли эти были подхвачены многими современниками Буре. Например, его ученик Г. Штэрнхельм (1598–1672), развивая «гипербореяду» Буре, проповедовал о том, что имя легендарной Гипербореи легко толкуется из шведского языка и что Швеция в древности была колыбелью для многих народов-завоевателей, которые выступали под разными именами, что шведские предки занимали между древними народами особо почетное место, поэтому из шведского языка лучше всего толкуются имена богов и народов [Грот 2008: 111–117; 2009: 132–154; 2010a; Nordström 1934: 111–132].

Своего апогея поиски шведской «древности» достигли в творчестве писателя и профессора медицины Олофа Рудбека (1630–1702). В своем прославившемся произведении «Атлантида (Atland eller Manheim)», 3 основные части которого были изданы в течение 1679–1698 гг., а 4-я часть должна была быть опубликована в 1702 г., когда пожар уничтожил значительную часть тиража, Рудбек собрал воедино все

исторические химеры, созданные историозодчеством готицизма и шведской гипербореады. Основная мысль рудбековской «Атлантиды» — «обоснование» основоположничества шведов с древнейших времен в историях большинства европейских народов, а Швецию представить колыбелью общеевропейской культуры, в том числе древнегреческой, скифской и древнерусской [Грот 2010б: 139–176; Latvakangas 1995: 167–175; Nordström 1934: 136–154; Rudbeck 1937: 191, 228–233, 265, 293–301, 324].

Рудбекианизм в конце XVII — первой половине XVIII в. получил общеевропейскую популярность, поскольку готицизм, в русле которого немецкими и шведскими историками и теологами в течение XVI в. был создан образ великого прошлого готов как завоевателей мира и героических предков германских народов, с XVII в. стал привлекать все большее внимание английских историков и писателей, а несколько позднее — и французских мыслителей. В рамках общеевропейского готицизма идеи величия готов в древности приобрели большое распространение во многих европейских странах, имена шведских писателей — создателей фантастической истории Швеции — Иоанна Магнуса и Рудбека на какое-то время стали признанными европейскими именами, что содействовало консервации этой ненаучной историографии в шведской исторической мысли с идеями о глубокой древности начал шведской истории [Грот 2009: 132–154; 2010б: 163–171; Нильсен 1992: 17–18].

Этот историографический экскурс поясняет, откуда в шведской историографии идет традиция удревнять истоки шведского политогенеза и говорить о наличии шведского государства, или *rike* — *королевства* под властью одного короля, если не с древности, то как минимум с середины I тысячелетия. «В работах старшего поколения ученых было сознательное стремление отодвинуть вглубь времен “объединение государства”», — отмечал шведский археолог О. Хиенстранд [Huyenstrand 1982: 199]. В качестве «объединения государства» или королевства/*rike* под властью одного короля для шведской истории понималось объединение земель гётов и свеев¹.

Поскольку вопрос об объединении земель свеев и гётов был в центре всех исследований шведских ученых о форми-

ровании шведской государственности, представляется логичным взять его за отправную точку и для данной статьи, для того чтобы определить, к какому уровню социополитической сложности относились данные этнополитические организации, которые традиционно считаются предтечами шведского государства.

Осмыслению этнонимов «гёты» и «свеи» и образованных от них многочисленных этнополитонимов в шведской истории посвящена значительная научная литература, однако в силу того, что сведения немногочисленных источников были коротки и часто неясны, вопрос о том, какие социополитические системы скрывались в разные периоды за названиями, связанными с именами гётов и свеев, оказался запутанным и перманентно дискуссионным.

Следует начать с того, что факт образования королевства Швеция в результате слияния территорий гётов и свеев был зафиксирован в официальном документе: «Королевство Швеция вышло из языческого мира, когда соединились страны Свея и Гота. Свея называлась земля на севере, а Гота — земля на юге (Sverikis rike är af hedne värld samankomit af Swea och Gotha landh. Swea kalladis nordanskogh och Gotha sunnanskogh)» [Sveriges regeringsformer 1891: 1–57]. Данной декларацией открывалась новая редакция свода законов Швеции, принятая в 1442 г. при одном из королей Кальмарской унии — Кристоффере Баварском (1441–1448). Кристоффер был провозглашен шведским королем в 1441 г., несколько ранее — датским королем, чуть позднее — норвежским королем, а в 1445 г. — общим королем всех трех монархий, объединившихся в унию, получившую название Кальмарской по имени шведского города Кальмара, где она была подписана. Но приведенный источник, как видно, весьма поздний, середины XV в. Кроме того, его появлению способствовала весьма специфическая общественно-политическая обстановка в Швеции XV в.

Это было как раз то время, когда в Западной Европе стал набирать силу вышеупомянутый *готтицизм* — идейно-политическое направление общественной мысли, проповедовавшее идею о том, что Швеция — прародина древних готов. В рамках данного течения представители шведского готтицизма столкнулись с проблемой раскрытия связи между

названием Швеции как королевства сеев (Sveriki/Sverige) и именем готов. Вероятно, с целью истолкования возникшей проблемы и были написаны вводные слова свода законов короля Кристоффера, соответственно, очень сложно определить их историческую глубину и ценность.

Дело в том, что такое название, как Svealand/Svealandh (страна сеев), ранее в шведских источниках не встречалось, тогда как Gothaland (страна готов) было известно. Это неоднократно отмечалось шведскими исследователями [Gahrn 1988: 57; Harrison 2009: 34]. Шведский историк Д. Харрисон косвенно подтверждает мою догадку о политической конъюнктурности слов из приведенного свода законов: «...слово “Svealand” появилось впервые в XV в., наверняка как адекватность для уже ранее известного названия “Götaland”» [Harrison 2009: 34]. Для территорий, связанных с именем сеев, использовались другие наименования. Например, у Снорри Стурлусона мы находим такие, как Sviaveldi (владения сеев), Svithjodh (народ сеев), Sviariki (королевство сеев).

Различия в традиционных наименованиях разных областей Швеции отражали, очевидно, различия в формировании ранних форм политической организации в процессе их развития в шведской истории. Но выявить эти различия не просто в силу скудных данных источников. Однако такие попытки предпринимаются в современной шведской медиэвистике, где отмечается, что организационные формы различных регионов Швеции в раннесредневековый период, или, по шведской периодизации, в викингский период² (800–1050), представляли собой пеструю картину [Gahrn 1988: 38–58, 60–79; Harrison 2009: 30–36; Lindkvist, Sjöberg 2008: 34–35]. В российской скандинавистике сохраняется более консервативный подход при анализе данной проблематики, когда этнополитические организации сеев и гётов в догосударственный период традиционно характеризуются как племенные объединения [Мельникова 2008], племенные группы [Сванидзе 1999: 6] или племенные образования [Джаксон 1993: 65].

С помощью каких источников определяют исследователи исходный хронологический рубеж, от которого надо отталкиваться для определения начала процесса объединения тер-

риторий свеев и гётов? Обычно начинают с Тацита, который в 44-й главе книги «Германия» упомянул *Suionum civitates*, живущих в самом Океане (*ipso in Oceano*) [Tacitus 1969], что признано как первое упоминание свеев. Правда, шведские исследователи оговариваются, что фрагмент Тацита о *Suionum* очень краток и неясен: непонятно, что скрывается за *civitates* Тацита, сложно географически идентифицировать такое место проживания, как *ipso in Oceano*: то ли это множество островов, то ли это морское побережье [Gahrn 1988: 3, 40–41; Önnersfors 1969]. Российский скандинавист В.В. Рыбаков более безапелляционен в оценке фрагмента о *Suionum*: «Первым упоминанием о народах, населявших территорию нынешней Швеции, мы обязаны римскому историку Корнелию Тациту (ок. 55 — ок. 120), который в 44-й главе своего знаменитого произведения “Германия” <...> сообщает о племенном союзе свионов — жителей Свеяланда» [Рыбаков 1999: 15]. Согласно толкованию этого автора, который переводит *civitates* как общины, тип социально-политической организации свионов — это союз племен. Такое толкование вызывает некоторые сомнения: представляется, что общество свионов у Тацита отличалось более высоким уровнем социополитической сложности. Различные *civitates* свионов не только объединены общим надлокальным именем и общей деятельностью по обороне своей территории или по совместному ведению военных действий, морских или сухопутных: «...среди самого Океана, обитают общины свионов, помимо воинов и оружия, они сильны также флотом» [Там же: 16], но и имеют неограниченного правителя, титул которого Рыбаков переводит как «царь» (в шведских переводах — *конунг*), а в их обществе выделяются благородные люди и рабы.

Однако сложно перебросить мостик между свеонами Тацита и свеями из шведской истории. Категоричная локализация Рыбакова и помещение свионов в Свеяланд являются совершенно надуманными, поскольку, как было показано выше, само название Свеяланд очень позднего и несколько литературного происхождения. Но более всего смущает следующая особенность. Свеоны, согласно описанию Тацита, производят впечатление мощной социально-политической организации: сильны на суше и на море, организованы под

властью неограниченного правителя, однако после упоминания их Тацитом о них не было никаких известий в течение... 500 лет! Ибо следующие упоминания о свеях (или тех, в ком наука видит свеев) появляются только в середине VI в. Готский историк Иордан, описывая легендарный остров Скандца, сообщал, что на нем проживали 28 народов. Среди них Иордан упомянул два народа: *Suehans* и *Suetidi*, в которых принято видеть свеев [Gahrn 1988: 42; Рыбаков 1999: 18–19]. *Suetidi*/Светиды отождествляются со словом *Svetjud/sveafolket* или «свеи/народ свеев», которое было обнаружено на ряде рунических камней Швеции (*suifiuþu*, *suifiuþu*, *suafiouþu*) [Gahrn 1988: 42, 45; Svennung 1967: 45] или упоминалось в «Саге об Инглингах» как название страны/местности (*Svíþóð*) — родины Одина, название которой он перенес на свою новую страну на севере Европы [Джаксон 1993: 65]. Здесь хочется заметить, что установление тождества светидов Иордана с *Svetjud* из исландских саг и, соответственно, со свеями выглядит весьма убедительным, тогда как *Suehans* могут быть каким-то другим народом относительно светидов и соответственно свеев. Но для данной статьи важно другое: упоминание Иорданом светидов/свеев ничего не дает для анализа социополитической организации свеев в VI в. Кроме свеев, Иордан называет и другие народы, среди них — те, которые воспринимаются современными исследователями как искаженные названия нынешних гётов: *Vagoth*, *Gautigoth* и *Ostrogothae* [Gahrn 1988: 25, 61, 167]. Однако никаких связей между ними и светидами/свеями не обнаруживается, то есть можно предположить, что каждая из названных Иорданом этнических групп существовала в виде отдельных общин, не объединенных в более сложные по структуре союзы.

Помимо Иордана, к авторам, донесшим до нас материал по ранней истории Швеции, относят византийского историка Прокопия Кесарийского (конец V в. — ок. 562 г.) и его работу «Война с готами». Прокопий рассказывает о большом острове Туле (*Thule*), на котором проживали 13 народов, и каждый из них имел своего короля (басилевса). Упоминаются гауты, герулы и скридс-финны (*Gautoi*, *Erouloi*, *Skritiphinoi*), свеев среди упоминаемых народов нет, но гауты общепринято отождествляются с гётами, поэтому дан-

ный отрывок из Прокопия причисляют к источникам по истории Швеции. В шведской историографии остров Туле отождествляется со Скандинавским полуостровом [Gahrn 1988: 26, 61, 155; Procopius 1953, 6: 15: 3. S. 415; 6: 15: 26. S. 421]. Рыбаков с уверенностью определяет Туле как Исландию: «Прокопий подробно описывает образ жизни скритифиннов (саами) и говорит о племени гаутов, или гавтов, то есть ётов (так в тексте передается имя *gǣтов/gǣtar*. — Л.Г.), помещая все эти народы на остров Фулу (Исландия)» [Рыбаков 1999: 16].

Хочется заметить, что оба отождествления являются производной реконструкцией, и краткий отрывок из Прокопия не дает нам оснований видеть в нем материал для истории Швеции. Название легендарного острова Тула/Фула может быть отнесено ко многим ландшафтам, и у нас даже нет уверенности, сохранился ли этот ландшафт (или ландшафты — островов с этим именем могло быть несколько) до наших дней или, учитывая значительные геофизические изменения, которые переживали североевропейские широты на протяжении последних двух тысяч лет, он покоится на шельфе одного из морей Ледовитого океана. То же самое можно сказать и об этнонимах: они переносятся во времени и пространстве и переходят от одного народа к другому. Как отмечал австрийский медиевист Х. Вольфрам, множество европейских народов в древности и Средневековье носило имена готов и «свевов» [Вольфрам 2003: 35]. Поэтому, невзирая на сохраняющуюся общепринятость взглядов, рассматривающих сведения Тацита, Иордана и Прокопия как безусловную часть истории Швеции, полной уверенности, на мой взгляд, в этом быть не может.

Собственно, данная «общепринятость» тоже начинает подтачиваться ходом научного поиска. Взгляды, аналогичные моим, я нашла у шведского историка Д. Харрисона, который в одной из своих последних работ написал следующее: «Нет никакой возможности сказать, каким образом *Suiones* Тацита связаны с *Suehans* Иордана и со свеями викингского периода» [Harrison 2009: 35]. На мой взгляд, свионы, упомянутые Тацитом и потом исчезнувшие с исторической арены на 500 лет, могли в течение этого периода просто выступать под другим именем — в раннем Средневековье

народы часто выступали как под локальными, так и под надлокальными именами. Продолжая рассуждения о вышеприведенных источниках, следует заметить, что если связь светидов Иордана со свеями викингского периода была вполне убедительно обоснована в науке, то сам остров Скандца больше не связывается шведскими медиевистами со Скандинавским полуостровом. «Как письменные источники, так и археологические материалы показывают, что самые древние предки готов или, вернее говоря, те, кто ранее всего стал называть себя готами, в период около рождества Христова проживали в нынешней северной Польше. Они, разумеется, имели контакты с другими народами в регионе Балтийского моря, но мы никак не можем утверждать, что по своему происхождению они были выходцами со Скандинавского полуострова», — читаем мы у шведского историка Д. Харрисона [Ibid.: 25]. Аналогичное мнение высказывают шведские историки Т. Линдквист и М. Шёберг: «Определить, кто такие гёты, очень сложно. Именное сходство с готами привело к тому, что в XV в. стали полагать, что готы происходили из Гётланда. Это представление сыграло важную роль в укреплении национального самосознания в период его становления. Но в наше время мысль о том, что готы были выходцами из Скандинавии, очень дискуссионна. В науке были высказаны серьезные сомнения по этому поводу» [Lindkvist, Sjöberg 2008: 35].

Но если непосредственная связь этих источников с историей Швеции вызывает сомнения, то они интересны в типологическом плане, поскольку сохранили картины жизни и динамику развития в Северной Европе. Сообщение Тацита о свионах говорит о том, что их общины, объединенные надлокальным именем, связанные совместной военной деятельностью, организованные под властью неограниченного правителя и имевшие социальную стратификацию, представляли собой вождество достаточно высокого социально-политического уровня.

Социальная картина, которая угадывается за рассказами Иордана и Прокопия, как представляется, отражает более эгалитарные общества: названные ими народы живут изолированно друг от друга, в рамках отдельных общин, каждая со своим правителем. Не имея достаточно материала для того, чтобы углубляться в сравнительный анализ, можно все-таки

отметить, что опыт, накопленный при изучении вожеств, помогает объяснить эту динамику развития через явление «вторичной эгалитаризации» [Коротаев, Блюмхен 1991], относительно которой Н.Н. Крадин заметил, что этот феномен показывает, что даже в континентальном масштабе эволюция от безгосударственных обществ к государственным демонстрирует не только прямолинейное прогрессивное развитие, но и «зигзаги и отступления» [Крадин 1995: 15].

Несмотря на то что сведения Тацита, Иордана, Прокопия при ближайшем рассмотрении не обнаруживают прямой связи с историей Швеции, эти источники очень долго использовались для аргументации древних корней шведского политогенеза, причем в соответствии с существовавшими ранее взглядами для аргументации раннего генезиса шведского государства. Убежденности в том, что слова Иордана и Прокопия воспринимались как надежные свидетельства раннего образования шведского государства, хотя невозможно было доказать связь острова Скандца и тем более острова Туле с современной Швецией, способствовали, разумеется, и описанные выше традиции готицизма и рудбекианизма.

О шведском государстве в VI в. писали такие шведские исследователи, как историки К. Шэрна [Stjerna 1905] и С. Тунберг [Tunberg 1911], археолог Б. Нерман [Nerman 1925; 1941; 1956], историк О. Ольмарк [Ohlmark 1971] и др. Как развивались эти концепции в шведской исторической науке?

С государством отождествлялось понятие *«рике»*, известное из средневековых источников, в частности из исландских саг, и означавшее территорию под властью одного короля, то есть королевство. Процесс создания *рике* в шведской истории, как уже говорилось выше, представлялся процессом объединения свеев и гётов, при этом подразумевалось, что свеи сумели в более ранний период создать развитую политическую систему под властью одного короля и затем подчинить себе гётов (см. историографию: [Gahrn 1988: 13–17, 30–32; Lindkvist 1995: 1–2]). Основными источниками для этих исторических реконструкций служили англосаксонская эпическая поэма «Беовульф», где рассказывалось о победе свеев над геатами (*geater*), которых идентифицировали со шведскими гётами, и «Сага об Инглингах» из «Круга земно-

го» Снорри Стурлусона, то есть источники литературного характера, дававшие большой простор для свободных толкований.

Но уже в довоенный период в шведской историографии появляется и более критическое отношение к своей истории, подвергшее сомнению выводы, базировавшиеся на доверчивом отношении к литературным источникам и необоснованно архаизировавшие историю шведской государственности. Направление концептуального развития стало характеризоваться отходом от архаизации и перемещением хронологической планки образования шведского государства с отметки VI в. на XI в.

Какими аргументами мотивировали свои взгляды сторонники этой концепции? По мнению этой плеяды шведских историков, об объединении земель гётов и свеев под властью одного короля, что по-прежнему отождествлялось с рождением шведской государственности, можно было говорить не ранее XI в., то есть не ранее конца вышеупомянутого викингского периода, поскольку только с этого времени наука располагает более надежными историческими источниками. Среди ученых нового критического направления следует прежде всего назвать историков Лоренца Вейбуля [Weibull L. 1911; 1913; 1934], Курта Вейбуля [Weibull C. 1915; 1921; 1957; 1964; 1974], И. Андерссона [Andersson 1943], Е. Росэна [Rosen 1966; Carlsson, Rosen 1969].

Курт Вейбуль, в частности, указывал, что этноним “geater” из «Беовульфа» совершенно неправильно отождествлять со шведскими гётами. Он обращает внимание на то, что в сделанном по приказу Альфреда Великого англосаксонском переводе «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного этноним “geater” используется для передачи латинского “iuti”, то есть имени народа ютов. Кроме того, напоминает Вейбуль, эпос рисует *геатов* как народ морской, живущий на морском побережье, совершающий морские походы, например, в земли фризов, а все, что известно о шведских гётах, не дает оснований считать их морским народом. По его мнению, “geater” из «Беовульфа» — это юты, а не шведские гёты, и следовательно, вся картина о победе свеев над гётами уже в VI в., исходя из англосаксонского эпоса, рассыпается в прах, и у ученых нет оснований считать, что

с этого времени земли сеев и гётов объединились под властью одного короля [Weibull С. 1964: 14–15]. Помимо критического пересмотра письменных источников, представители данного направления использовали археологию. К. Вейбуль напоминал, что только к концу X в. археологические данные указывают на более стабильные взаимоотношения между землями сеев и западных гётов, что свидетельствовало о складывавшихся экономических предпосылках объединения «севера» и «юга» будущей Швеции.

Важным аргументом для К. Вейбуля в пользу его концепции был такой официальный документ, как договор о разграничении земель между конунгами данов и сеев. Этот договор со стороны Свеярики/Sweriki был засвидетельствован представителями не только старинных земель, составлявших ядро Свеярики: Тиундаланд / Tindælandi, Фьедрундланд / Fiædrundælandi и Вэстманаланд / Væstmannælandi, но и земель западных и восточных гётов: Эстрагёталанд / Östrægötlandi и Вэстргёталанд / Væstrægötland, а также представителем Смоланд / Smalandum. Данный документ, который Вейбуль датировал XI в., по его мнению, был надежным источником, отражавшим существование политического единства в Швеции в середине XI в., и актом государственной деятельности [Ibid.: 42–43]. Но текст данного договора заключал в себе хронологическую несообразность, поскольку был заключен якобы от имени короля сеев или упсальского короля Эмунда Слемме / Дурного (1050–1060) и короля данов Свена Вилобородого (986–1014), умершего, как видно, задолго до того. П. Сойер показал, что данный документ вполне мог быть составлен позднее, в XIII в. [Sawyer 1988: 165–170], следовательно, опираясь на этот источник, не удастся датировать период объединения земель сеев и гётов до середины XI в., то есть в рамках викингского периода. Таким образом, процесс критического переосмысления шведских исторических источников продолжал развиваться в направлении «омоложения» шведского политогенеза, но к этому вопросу я вернусь позднее.

Сторонники взглядов датировки образования единого шведского королевства в XI в. привлекли к анализу такой интересный материал, как титулатура шведских королей. К. Вейбуль, например, доказывал, что с первой половины XI в. мож-

но было проследить появление объединенного титула «король свеев и гётов», первым носителем которого, по его предположению, был Олоф Шётконунг (995 — около 1022) [Weibull С. 1921: 306–307, 348–358].

Здесь следует заметить, что имеющиеся в распоряжении ученых прямые источники не позволяют сделать такого вывода. Во время правления Шётконунга стала чеканиться монета, где сообщался и титул короля: «Олоф — конунг свеев (Olof, svearnas konung)». Монеты хранятся в собрании Королевского монетного кабинета [Lagerqvist 1976: 25]. Однако часть шведских исследователей пыталась опираться на косвенные данные, в частности на такой шведский источник, как латиноязычное «Житие святого Сигфрида (Vita S. Sigfridi)», составленное предположительно в начале XIII в. и освещавшее историю христианизации Швеции [Nordström 1934: 57; Schmid 1931; Рыбаков 2008].

Но к королевской титулатуре как источнику по истории шведской государственности обращались и другие исследователи. Шведский литературовед и историк общественной мысли Ю. Нордстрём обратил внимание на рассказ о том, что Олоф Шётконунг, после того как в Смоланде были убиты племянники проповедника христианства Сигфрида, под этим предлогом наложил запрет на использование титула Rex Gothorum и объявил законным только титул Rex Sueorum. Нордстрём не был уверен в том, насколько можно было доверять такому источнику, как «Житие святого Сигфрида», латиноязычному шведскому произведению начала XIII в., в достоверности сведений которого сомневались многие исследователи. Однако он полагал, что если и была какая-то правда в сведениях «Жития», то она отражала предпочтение шведских королей (независимо от того, как менялись властные отношения между свеями и гётами вплоть до этого постановления) титуловаться именем всемирно прославленного народа готов/гётов [Nordström 1934: 57] — образы готицизма долго владели воображением шведских ученых.

Позднее историк Л. Гарн заметил по поводу этой идеи Нордстрёма, что она слишком вольно толкует рассказ источника, поскольку фраза «...ne unquam ex tunc Rex Gothorum sed Sueorum debeat nominari», которую он переводил как «...с этих пор он никогда больше не будет именоваться коро-

лем гётов, а только королем свеев...», не позволяет точно определить, заменялся ли данным указом титул короля гётов на титул короля свеев или титул короля гётов изымался из сдвоенного титула «король гётов и свеев». Таким образом, убежден Гарн, нет достаточных оснований считать, что Олоф Шётконунг носил объединенный титул «король гётов и свеев».

Историк О. Лагерквист, продолжая дискуссию о титулатуре, высказал мысль о том, что сын Шётконунга, вошедший в историю под двойным именем Анунда-Якоба (1022–1050), после смерти отца был провозглашен конунгом свеев и гётов [Lagerqvist 1976: 26]. Вероятно, он исходил из того, что и Олоф Шётконунг, и сам Анунд-Якоб проводили много времени в Западной Гёталанд, в королевском имении Хюсаби (Husaby), вынужденные покинуть Свеяланд, когда их изгоняли за приверженность к христианству, согласно рассказу Снорри Стурлусона [Ibid.: 32]. Однако такой надежный источник, как монеты, которые чеканились и при Анунде-Якобе, показывает, что Анунд-Якоб носил только титул «король в Сигтуне» [Lagerqvist 1970: 34–36], что соответствовало титулу короля свеев.

От XI в. остались источники, которые говорят о возможном сохранении в этот период отдельного титула короля гётов. Имеются два послания Папы Григория VII (1073–1085), которые представляют интерес в связи с вопросом о титулах шведских королей. Одно из писем от 4 октября 1080 г. адресовано «I., glorioso Suetonum regi», что принято читать как «Инге, достойному королю свеев» (Инге Старший правил примерно в 1079–1100 гг. и был ревностным христианином). Второе письмо от 1080–1081 гг. адресовано двум королям-соправителям, титулованным как «Wisigothorum gloriosis regibus...», имена которых, как правило, толкуются как Инге Старший и Хокан (предполагаемый соправитель Инге Старшего), а обращение переводится как «достойным королям западных гётов...» [Lagerqvist 1976: 42; 1996: 43; Gahrn 1988: 187]. Следует оговориться, что причина, по которой Папа использует титул *wisigothorum regibus*, не ясна, и по мнению некоторых ученых, не обязательно свидетельствует о наличии отдельного титула «король гётов» в этот период. Нордстрём, например, полагал, что этот титул — просто

историческая витиеватость и красивый оборот речи в духе трудов архиепископа Исидора Севильского [Lindroth 1961: 35–36] с целью напомнить шведским правителям о лестном историческом родстве с испанскими визиготами — основоположниками испанского королевства [Nordström 1934: 57].

Гарн напоминал, что содержание данного письма Папы не связывает его напрямую со Швецией, что применение имени *готов* носило в то время очень расплывчатый характер и что под Готией (и ее правителями) могли также понимать Данию или Ютландию [Gahrn 1998: 187]. В официальных документах во время правления короля Эрика Эрикссона (1222–1229, 1234–1250) встечается выражение «*populus wissigottorum*» относительно западных гётов, но непонятно, было ли это отражение исконной шведской традиции или адаптация латинских *Vesgoti*, *Væsgothi* применительно к шведским реалиям [Svennung 1967: 70–71].

Шведский историк М. Чельберг исследовал вопрос об использовании королевских титулов в шведских официальных средневековых документах, появившихся в середине XII в. Ему удалось установить, что в основном использовались титулы *rex sveorum*, *rex Swechie* и подобные формулировки, указывающие только на титул короля свеев. Сводный титул *rex Sveorum et Gothorum* с указанного периода и до времени правления короля Магнуса Ладулоса (1275–1290) был зафиксирован 5 раз, и только с 1279 г. «сдвоенный» титул *rex Sveorum et Gothorum* становится правилом [Kjellberg 1902: 7–9, 18–21]. Постепенный процесс утверждения сдвоенного титула отражался и в практике международного общения. В письме Папы Александра III (1105–1181) архиепископу в Упсале Стефану от 5 августа 1164 г. титул правителя Швеции обозначен как *regis Sveorum et Gothorum*. Но в другом письме Папы шведскому епископу от этого же года Свеяланд и Гёталанд обозначены как отдельные области: «...tam in Suetia videlicent quam in Gothia...», то есть «...как в Швеции / Свеяланд, так и в Готии / Гёталанд...» [Svennung 1967: 71].

Подводя итог рассуждениям шведских медиевистов о титулатуре шведских конунгов, историк Л. Гарн заметил, что источники довольно четко отражают динамику ее развития. Наиболее ранние источники говорят только либо о титуле конунга свеев, либо называют конунга по его резиденции:

конунг в Упсале, конунг в Сигтуне, то есть все эти сведения говорят о королевской власти, локализуемой в земле упландских свеев. Со второй половины — конца XII в. имя гётов также включается в королевский титул, но не очень часто. И только с 1279 г. величание короля конунгом свеев и гётов становится правилом. По мнению Гарна, эти факты показывают, что свеи раньше гётов создали сильное этнополитическое образование в шведской истории. Гарн напомнил, что средневековый датский историк Саксон Грамматик (ум. в нач. XIII в.) знал свеев и гётов как два разных народа и подчеркивал, что гёты были менее заметным народом (*obscurior populus*), чем свеи. Правда, Гарн оговаривался, что Саксон довольно уничижительно отзывался также и о свеях как о народе незначительном, просто гёты, по мнению Саксона, были еще менее значительным народом [Gahrn 1988: 110–111].

Не останавливаясь на этих оценках средневековой датской историографии, свидетельствовавших о ранних истоках датско-шведского соперничества, дополню вышесказанное собственным выводом. Все известные источники, которые освещают историю объединения земель свеев и гётов, включая и сведения о титулатуре шведских конунгов, говорят о том, что этот процесс был очень длительным и, вероятно, завершился только к концу XIII в., что и закрепилось в сдвоенном титуле конунга свеев и гётов. Следует также добавить, что только в середине XIV в. в Швеции появилось первое общегосударственное уложение законов, которое заменило множество провинциальных законов. Свод законов был разработан по распоряжению короля Магнуса Эрикссона (правил в 1319–1364 гг.). До этого каждая область Швеции управлялась своими провинциальными законами: Вэстгёталаген (*Västgötalagen*) — законы Западной Гёталандии (старшая редакция около 1220 г.), Эстгёталаген (*Östgötalagen*) — законы для Восточной Гёталанд и острова Эланд / *Öland* (зафиксированы предположительно в 1290 г.), Гуталаген — законы для Готланда (возможно, 1220 г.), Уппландслаген (*Upplandslagen*) — законы для восточной части Свеяланд (средней Швеции) Уппланд и входившей в неё Гэстрикланд, зафиксированы в 1296 г., а также другие законы [Ibid.: 25].

Все это говорит о том, что попытки доказать образование шведского государства в XI в. также не подтвердились источниками. Лагерквист, как бы подводя итоги длительной дискуссии об уровне социополитического развития Швеции в середине XI в., так охарактеризовал этот период: «Анунд-Якоб (1022–1050) стал королем. Многие говорят о том, что власть носила наследный характер, но каких-то органов власти / управления не было — это надо обращаться в XIII в., а власть короля была ограничена. Он был командующим ледунга во время войны и мог требовать поддержку от свободных крестьян в случае нападения врагов. Король возглавлял ритуалы жертвоприношения в Упсале до тех пор, пока короли не стали принимать христианство. Налогов не существовало. Доходы королю и его войску шли из упсальских угодий, то есть с казенных подворий, которые управлялись королевскими прислужниками, получавшими часть доходов за службу» [Lagerqvist 1996: 36].

Современный исследователь проблем шведского социо- и политогенеза Т. Линдквист также уверен, что только со второй половины XIII в. королевская власть в Швеции стала выступать «...как форма относительно тонкой политической организации, как государственная власть. Именно в этот период выросли привилегированные благородные сословия с точно определенными правами и обязанностями нести службу в пользу короля и общества. Кодификация и запись законов, а также упорядочивание политических институтов — вот что характерно для данного периода. На рубеже XIII–XIV вв. королевская власть и молодые сословия духовной и светской знати представляли собой государственную власть. Конец XIII в. был завершением того специфического и длительного исторического процесса социальных преобразований, характерных для Швеции в тот период, который в соответствии с традиционной терминологией может быть назван как переходный от викингского периода к раннесредневековому» [Lindqvist 1995: 4–5].

Т. Линдквист пользуется также понятием «*раннее государство*», оговаривая, что оформление государственности включает такой критерий, как создание «территории под властью единого политического руководства», отмечает, что те признаки, которыми характеризуется раннее государство,

складывались в Швеции в период XI–XIV вв., то есть по завершении викингского периода [Ibid.].

Эти же взгляды он развивает и в одной из своих последних работ, написанной совместно с Марией Шёберг. Опираясь на «Житие святого Ансгара», епископа Гамбурга и распространителя христианства в Северной Германии, Дании и Швеции, побывавшего в 830 г. со своей миссией в Бирке и запечатлевшего социальные и политические отношения у свеев, Т. Линдквист пишет, что территория свеев состояла из целого ряда мелких владений, не имевших определенной структуры или иерархии, властные полномочия короля были ограничены народным собранием; какой-либо централизованной или верховной королевской власти не существовало, в силу чего невозможно определить степень ее влияния на жизнь общества. Примерно такую же картину, подчеркивает Т. Линдквист, рисует нам и хронист Адам Бременский в 1070 г. по прошествии более чем 200 лет [Lindkvist 1995: 4–12; Lindkvist, Sjöberg 2008: 23–33].

Итог традиционным исканиям начал шведского политогенеза подвел историк Дик Харрисон: «...у Иордана, Кассиодора и Прокопия <...> создан образ Скандинавии, для которого характерно наличие множества мелких политических единиц <...> совершенно невозможно реконструировать политические границы областей в вендельский или викингский периоды, исходя из названий, встречающихся в источниках XIII–XIV вв. <...> Область, которая в шведской историографии обычно оказывается в центре рассуждений о власти и королевстве в дохристианскую эпоху, — это Упланд. Кроме этого, область Упланд всегда была фавориткой археологов. В сравнении с Эстергётланд (Östergötland) и с Вэстергётланд (Västergötland) археологическая изученность Упланд неизмеримо выше, поскольку там проводилось намного больше раскопок. Исследование Упланд насчитывает несколько столетий, и оно часто воспринималось чуть ли ни как дело государственной важности. В период великодержавности в XVII в. или в период развития националистических тенденций в XIX в. Упланд рассматривалась как колыбель шведской государственности, а короли из “Саги об Инглингах” короновались как общешведские древние монархи. <...> Сегодня наука отбросила эти заблужде-

ния как анахронизм и отправила их на свалку истории, хотя время от времени они появляются в туристских брошюрах или в устаревших исторических обзорах. На самом деле мы не можем даже с определенной уверенностью использовать известные сегодня названия областей применительно к рассуждениям о Вендельском или Викингском периодах. Название *Упланд* мы впервые встречаем только в 1296 г. в связи с принятием свода Упландских законов. До этого внутриконтинентальная часть будущей области распадалась на три небольшие земли или на три так называемых *фолькланда* (folkland от folk — ‘народ’ и land — ‘земля’): Атгундаланд, Фьедрундаланд и Тиундаланд. <...> Конкретные структуры власти — вождества, мелкие конунгства и группировки военных предводителей — запечатлелись не только в европейских хрониках, но и благодаря средневековым наименованиям этнических групп, а также благодаря архаичным названиям в сельской местности. <...> Когда-то история о свеях и гётах не вызывала проблем. <...> Обычным для историков и археологов было представление о том, что гёты и свеи создали свои политические и военные организации, конфликтовавшие друг с другом. Свеи, согласно этой гипотезе, подчинили себе гётов и дали имя объединенному королевству Свеярике — Швеция. Сейчас мы в это не верим, поскольку это ничем не подтверждается <...> ни один источник не упоминает это завоевание. <...> Только в течение XII–XIII вв. термин “*свеи*” стал означать членов той политической системы, которая располагалась к северу от Кольморден и Тиведен, а термин “*гёты*” закрепился за остальным населением королевства, прежде всего за теми крупными владельцами, которые входили в сферу архиепископств в Скаре и в Линчёпинге...» [Harrison 2009: 26–36].

Из вышеприведенного видно, что все многовековые попытки отыскать истоки шведской государственности на отрезке времени с VI по XI в. потерпели неудачу, что не только весь викингский период, но и какое-то время после него политогенез³ в Швеции, согласно современному анализу шведских ученых, не выходил за рамки догосударственных форм. Собственно еще и К. Вейбуль подчеркивал, что в рассматриваемый им период X–XI вв. ход политической эволюции в Скандинавских странах (он имел в виду Данию и Швецию)

не вел к стабильности: системы власти создавалась и вскоре разваливались. Только к концу X в. датскому королю Харальду Гормссону, напоминает Вейбуль, удалось упрочить королевскую власть. В Швеции процесс шел еще медленнее, поскольку там географический фактор был еще сложнее. Регионы обладали большой самостоятельностью, и король был единственным связующим звеном между ними. Временами власть принадлежала нескольким королям. Даже в конце XII в. жители Сконе выбирали собственного короля [Weibull С. 1921: 344–347, 360].

Определение нижней временной границы для образования государства в Швеции актуально в рамках данной статьи, поскольку тем самым определяется верхняя временная граница для позднепервобытного периода в шведской истории, что уточняет хронологические рамки, в которых следует рассматривать ранние формы политической организации в истории Швеции. Период с середины VI в. (с так называемого вендельского периода по названию Вендельской церкви к северу от Упсалы — места, прославившегося богатыми археологическими находками) и до конца XII — начала XIII в. многие шведские ученые рассматривают сейчас в рамках концепции вожества. Выше уже были названы имена Т. Линдквиста и Д. Харрисона, далее будут приведены и другие имена.

Концепция вожества, с 1960-х гг. разрабатываемая в западной политической антропологии, в конце 1970-х — начале 1980-х гг. была воспринята шведскими археологами. Освоение нового подхода вылилось в дискуссии о ранних формах социально-политической организации в архаических обществах, прежде всего скандинавских. Поскольку часть территории Дании охватывалась процессами развития вожеств эпохи бронзы в Европе, то и дискуссии о вожествах начались в первую очередь с этого периода и при активной роли датских археологов. Шведский археолог Хиенстранд отметил, что понятие *вожества* (*hövdingadöme*) было введено в скандинавскую археологию в рамках дискуссий об эпохе бронзы в южной Скандинавии [Hjernerstrand 1982: 182]. Важной в рамках этой дискуссии стала работа датского археолога К. Кристиансена (ныне работает в Швеции) о роли внутренних и внешних факторов в образовании

небольших вожеств в южной Скандинавии [Kristiansen 1981]. Лотте Хедеагер, исследовавшая захоронения на таких островах в Балтийском море, как Зеландия и Лоллан, выделила римский импорт и определила появление в этом регионе довольно развитого общества в период раннего железного века (римского), проведя его сравнительный анализ с латенской археологической культурой (V–I вв. до н. э.). Она определила, что в этих обществах существовали один главный центр и несколько меньших, подчиненных ему. По мнению Хедеагер, стимулом к развитию такой социополитической структуры послужила крупномасштабная международная торговля, маршруты которой простирались вплоть до Римской империи. Конкуренция между правителями из-за стремления взять ее под свой контроль вызвала к жизни процесс политического объединения вокруг территориального ядра и как следствие — военный контроль над другими областями и их вождями, создав как территориальную, так и постстарную иерархию. Хедеагер предполагает, что Зеландия могла сыграть роль такого главного центра, откуда осуществлялся контроль за международной торговлей, например за пушниной и кожей [Hedeager 1978]. Интенсивное изучение датскими археологами проблематики политогенеза в архаичных обществах продолжилось в 1980–90-е гг. Особую роль в этом процессе сыграл проект «От племени к государству (Fra stamme til stat)». В рамках проекта были написаны, например, работы Ульфа Нэсмана [Näsman 1988; 1993], в которых рассматривались вопросы о том, какие интересы подвигали к созданию государства, какие различия следовало видеть в понятиях «*рик*/королевство» и «*государство*» и пр. По мнению Нэсмана, военная и политическая гегемония данов в период Великого переселения народов распространилась на все народы южной Скандинавии, и в вендельский и викингский периоды (то есть с VI по XI в.) *рик*/королевство данов было, несомненно, самым сильным политическим фактором в Скандинавии [Näsman 1993: 34].

Изучение ранних форм политической организации в архаичных обществах интенсифицировалось и в шведской науке 1980-х гг. Понятие *вождества* (*hövdingadöme*) стало играть важную роль в дискуссиях по этой проблематике. Точкой отсчета для данных дискуссий были по-прежнему

сообщения Тацита о свеонах, но в свете новых взглядов эти сообщения рассматривались уже как материал о догосударственных структурах: племенное общество в той форме, как это показано у Тацита, или общество, разделенное на многие «мелкие конунгства» [Huestrand 1982: 197; 2001: 37–38, 74]. Такой подход хорошо согласовывался и с выводами датских археологов о догосударственных обществах на территории Дании, сложившихся еще в эпоху бронзы.

Дискуссии периода 1970–1980-х гг. в Швеции развивались под сильным влиянием взглядов Э. Сервиса с его концепцией социополитических организаций, которые располагаются в порядке увеличения сложности и составляют эволюционную последовательность, и М. Фрида, который в основу своей концепции эволюции общества положил фактор растущего неравенства среди людей и выделил три уровня сложности в догосударственный период: эгалитарное общество, ранжированное общество, стратифицированное общество. Под влиянием этих неоеволюционистских концепций была написана работа К. Кульберга, Й. Енсена и Е. Миккельсена о системах обмена в истории Скандинавии в архаический период [Cullberg, Jensen, Mikkelsen 1978]. Теории социальной эволюции соединены в ней со взглядами известного теоретика в области экономической антропологии К. Поланьи и его концепцией о развитии хозяйства в первобытных обществах, где, согласно Поланьи, доминировали реципрокность и редистрибуция.

Хиенстранд отмечал, что связь между вождеством и редистрибуцией или централизованным перераспределением ресурсов стала в 1970–80-х гг. «классическим» исходным пунктом при обсуждении социальной проблематики догосударственных обществ. Но обращалось внимание и на то, что понятие «редистрибуция» неоднозначно и его связь с вождеством достаточно сложна. Хиенстранд ссылался, например, на работы Т. Ёрла, в которых подчеркивалось, что товары, которые циркулировали в позднепервобытных обществах в соответствии с редистрибутивными принципами, первоначально использовались для мероприятий, находившихся в руках элиты, поэтому данная экономическая система была неразрывно связана со становлением социально-политической системы страны [Huestrand 1982: 197–198; 2001: 74–75].

Но вернемся к конкретной исторической тематике по проблемам шведского политогенеза, на которой мы остановились, и попробуем понять, как ее изучение в рамках концепции вождества привело к такому результату, что прежние многолетние устои шведской историографии, опиравшиеся на образ союза свеев и гётов как основы эволюционного пути к формированию шведской государственности, стали подвергаться сомнению и пересмотру.

Концепция вождества, как известно, внесла в изучение политогенеза понимание того, что это длительный эволюционный процесс, а не простой рывок из первобытности в государственность, как это понималось в эпоху Просвещения и законсервировалось в научной мысли вплоть до послевоенного времени. Введение понятия вождества как надобщинной политической структуры позволило по-новому взглянуть на традиционные типы социально-политической организации и показать нелинейность, многоплановость социополитической эволюции.

Для шведских ученых в этом смысле важное значение получила дискуссия о соотношении вождества и племени (tribe). В шведской историографии, привычно ведущей отсчет исторического времени от Тацита и Кассиодора, камнем преткновения было в рамках линейной эволюционной схемы обосновать чрезмерно растянутый во времени, замедленный путь движения к шведской государственности.

При новом подходе с учетом нескольких типов альтернативных политических форм слишком упрощенным стал представляться взгляд на племя как на категорию, ассоциирующуюся в первую очередь с архаичными обществами охотников-собирателей. По мнению археолога Хиенстранда, понятие «племя» могло использоваться для социально-экономических характеристик других этапов первобытности и других уровней политической сложности. В качестве примера брались те же Тацитовы свионы, которые были явно племенами, постоянно проживающими на определенных территориях в скандинавский период железа, но имели и надлокальную центральную власть, то есть выступали как вождество. В этом случае понятия «племя» и «вождество» сливались. Поэтому вряд ли правомерно, полагал, например, Хиенстранд, рассматривать вождество как следующую ста-

дию развития племенного общества. Последнее характеризовалось как довольно аморфно организованное общество без политической иерархии, но с четкими клановыми структурами и религиозными группировками, что могло служить основой для возникновения новой системы вождей и перераспределения, изменяющейся во времени и пространстве. Важное значение в этой связи получал вопрос о том, как археологические критерии могут быть использованы для подтверждения различных теоретических выводов о социополитических организациях первобытных обществ [Cullberg, Jensen, Mikkelsen 1978: 15 ff; Hyestrand 2001: 75].

Идеи об альтернативных путях эволюционного развития привели, в частности, к выводам о том, что надобщинная централизация в форме вожества могла сменяться децентрализацией системы, что необязательно вело к «регрессу» или «упадку», поскольку децентрализация в иных случаях сопровождалась ростом общей социокультурной сложности [Бондаренко, Гринин, Коротаев 2006: 21].

Этот вывод представляется очень продуктивным применить к отмеченной специфике замедленной, растянутой во времени социополитической эволюции в шведской истории вендельского–викингского периодов, на что в той или иной степени не раз обращали внимание шведские исследователи [Weibull С. 1921: 344–347; 1964: 42–52; Gahrn 1988: 29–30; и др.]. Проблема в том, что у исследователей имеется немало данных о том, что, с одной стороны, с VI в. некоторые регионы на территории современной Швеции, в частности область Мэларен, переживали экономический подъем, но, с другой стороны, эти положительные экономические предпосылки не влияли на процесс политической интеграции как в данном регионе, так и в остальной части Швеции на протяжении многих столетий даже в рамках сравнительно небольших территорий: та же область Мэларен — маленький ареал по сравнению с большинством политий на европейском континенте.

Какими данными располагает наука об экономической ситуации в области Мэларен в период с VI по IX вв.? Курт Вейбуль, основываясь исключительно на археологических данных, отмечал, например, что к концу периода Великого переселения народов явно увеличивается богатство / коли-

чество археологических находок в области Мэларен, особенно на территории будущей Упланд. Это позволило Вейбулю сделать вывод о том, что с этого периода данная область выделилась как важный жизненный центр, что он связывал с разработками месторождений железной руды в Упланд и близлежащих областях, на основе которых развилась торговля железом [Weibull С. 1922: 30, 42–43]. К аналогичному выводу через много лет пришел Хиенстранд, но вместо определения «жизненный центр» он использовал понятие «вождество»: «Торговля и ремесло, базировавшиеся на значительном импорте металла, и богатые захоронения представителей элиты говорят о том, что в области Мэларен имелось множество вождеств уже начиная с позднего бронзового века. Некоторые археологические находки наводят на предположение о том, что в период Великого переселения народов — вендельский период жизнь в области Мэларен носила достаточно организованные формы. Нет оснований искать здесь королевство с центральной властью, как заверяли представители старших поколений ученых. Но можно предполагать, что там существовала свободная федерация развитых вождеств» [Huenstrand 1982: 202, 215]. Хиенстранд предполагает наличие общности, межполитийные связи внутри которой держались на экономических связях. Его исследования показывают, что уже в вендельский и последующий викингский периоды в Даларне (к северо-западу от оз. Мэларен), а также к востоку от нее — в Гэстрикланд и Хэлсингланд — производилось железо в количествах, которые превосходили собственные нужды этих малонаселенных местностей. Это было явно производство на рынок, для удовлетворения спроса торговых центров, которые Хиенстранд видит в областях вокруг озера Мэларен [Huenstrand 1974a: 153; 1974b: 208; 2001: 102].

Классическим примером свидетельств экономического благоденствия населения в землях будущей Упланд в вендельский период являются археологические находки из погребальных комплексов в ладье, датируемых от VI в. Значительное их количество найдено на территории Упланд, самые знаменитые — из населенных пунктов Вендель и Вальсгерде неподалеку от Упсалы. Инвентарь из этих могильников очень богат и содержит парадное оружие —

художественно украшенные шлемы, щиты, мечи и др., пиршественные наборы, орудия труда — кузнечные наборы и пр. [Лебедев 1974; Nyenstrand 2001: 92–104; Harrison 2009: 14–15]. И при таком благоприятном экономическом развитии нельзя отметить тенденций к политической интеграции. Напротив, исходя из археологических данных, и сама область Мэларен не была гомогенна, а состояла также из множества «подрегионов».

Аналогичная картина отмечена и в других частях Швеции в вендельский и викингский периоды: самостоятельные регионы со своими центрами, вокруг которых группировались отдельные округа, образуя некие межполитийные общности. Кроме «федерации» вокруг Мэларен, ученые выделяли в качестве отдельного региона области западной Швеции. В частности, Вэстергётланд представляла, согласно Хиенстранду, отдельный регион, который, имея экономические связи в юго-западном направлении, был естественно интегрирован с соседними регионами будущей Дании [Nyenstrand 1982: 215–216]. В восточной Швеции в качестве отдельного региона выделялся Эстергётланд, где богатые археологические находки периода римского железа и большие курганы отражали, по мнению Хиенстранда, наличие стратифицированного общества [Nyenstrand 2001: 30–32].

Кроме «линий экономической передачи» (определение Хиенстранда), вышеозначенные межполитийные общности, исходя из археологических данных, были связаны и решением задач обороны. К оборонительным мероприятиям принадлежали сигнальные костры, которые подготавливались заранее из составленных шатром бревен и другого горючего материала на возвышенных местах, так чтобы от одного зажженного костра был виден другой. Костры зажигались сигнальщиками в связи с приближением противника, и весть об этом довольно быстро распространялась среди населения. Данная сигнальная система была в основном рассчитана на оборону при нападении с моря. В память об этом, например, по всему восточношведскому побережью — от Упланд на севере до Блекинге на юге — остались топонимы, в названиях которых сохранилось слово *bötar*, которое в восточной Швеции означало «сигнальный костер» (другое обозначение — *vårdkasar*): Högböte, Munkböte, Bötanabben, Böttesberget

[Harrison 2009: 31]. Помимо сигнальных костров, в узких заливах и проходах устанавливались ловушки и заграждения, например, в дно вбивали сваи или ставили другие заграждения, препятствующие чужим судам свободный вход в гавань. Правда, Харрисон оговаривает, что подобные заграждения использовались не только для обороны от врагов, но и с целью защиты своих вод от рыболовного браконьерства. К сооружениям оборонного характера принадлежат и крепостные сооружения, стены и валы, остатки которых сохранились в некоторых регионах Швеции [Ibid.: 33].

Естественно, вышеназванные мероприятия требовали какой-то кооперации населения. Шведские историки старших поколений стремились видеть в этих свидетельствах косвенные доказательства организаторской роли королевской власти [Nerman 1925: 21; Wessen 1969: 30; Svennung 1974: 66]. Однако в последние годы проявилось более критическое отношение к таким умозрительным заключениям, поскольку оказалось невозможным определить хронологические границы для данных мероприятий. Сигнальные костры упоминаются, например, в таких источниках, как исландские саги и Упландские законы, но это источники позднего времени. Иными словами, ни письменные источники, ни археологические материалы не дают возможности установить, к какому времени относятся вышеупомянутые формы оборонной кооперации, на какие территории они распространялись и какие властные структуры отвечали за их организацию: королевская власть или какие-то другие институты [Gahrn 1988: 31]. Даже сама идея «внешней угрозы» в качестве довольно известного фактора политической интеграции в других странах может оказаться недействительной для шведской истории. Археолог Сюне Линдквист обратил внимание на то, что захоронения вендельского периода, например в Вальсгерде, содержащие множество предметов роскоши, не были разграблены. Кроме того, рядовые захоронения, относящиеся ко всему вендельско-викингскому периоду, имеющиеся почти при каждом населенном пункте, оказались непо потревоженными [Lindqvist 1952: 345–353]. С. Линдквист в традициях своего времени строил на этом выводы о том, что уже в вендельский период существовало сильное шведское королевство с центральной королевской властью,

обеспечивавшее стабильность и защиту территории. Сейчас мы знаем, что ничего подобного не было, соответственно, неразграбленные места погребений могут означать только то, что на эти территории никто не нападал. Свои соображения по этому поводу я поясню далее.

Все вышеперечисленные свидетельства межобщинной или межполитической кооперации, как уже говорилось, не сделались фоном или побудительными мотивами стремления к политическому единству, причем на протяжении многих столетий. Шведские ученые сходятся во мнении, что на раздробленной территории Швеции вендельско-викингского периода имелось множество мелких правителей — конунгов и хёвдингов / вождей, причем в рамках каждого из исторических регионов. К такому выводу приходит, в частности, Гарн [Gahrn 1988: 36].

Анализируя богатство погребального инвентаря в вендельский период, Харрисон делает тот же вывод: «В VII в. не существовало политического единства, которое хотя бы отдаленно напоминало о средневековом государстве. Хёвдинг из Вальсгерде слыхом не слыхал слова “Свеярике / Швеция”» [Harrison 2009: 15]. «Иными словами, — подводит итог Хиенстранд, — никогда не существовало какой-то одной “шведской” древности, вместо это было много “древностей”, много различных социальных организаций, много племенных сообществ, много вожеств и т.д. Но парадоксальным моментом является то, что в науке пока не предпринимались попытки систематизировать, дать определение и описать локальные формы общественных организаций, а также всего того, что касается их пространственных границ, внутренних связей и социально-экономических систем. Наилучшим образом изученной является южноскандинавская эпоха бронзы. Группы курганов и локальные скопления находок позволяют подразделить Данию-Сконе на вожества в эпоху бронзы, по крайней мере, в качестве гипотезы. Значительная по площади территория Швеции представляет собой полосу, равную по протяженности расстоянию между Лондоном и Будапештом, и локальные и региональные различия были настолько значительны, что можно говорить о совершенно различных социально-экономических системах, часто — по соседству друг с другом» [Hyenstrand 1982: 11–12].

Для меня очевидно, что вышеотмеченная длительно сохранявшая раздробленность территории, сохранение автономности отдельных регионов и общин являются спецификой шведской истории и фактором, который следует принимать во внимание при исследовании социополитической эволюции в Швеции. Но чем он был обусловлен?

Многие шведские ученые называют в качестве причины влияние природной среды — сильно пересеченный рельеф местности (горные и лесные массивы, множество водоемов и пр.) создавал естественные преграды для развития коммуникаций, причем тоже неравномерно: некоторые области в Швеции были более изолированы, чем остальные, что влияло на их развитие.

Однако если повернуть это суждение другой стороной, то можно сказать, что на обозримых исторических отрезках времени количество населения в Швеции было недостаточно, чтобы преодолевать сложности ее географического фактора. В развитие этого предположения следует посмотреть на то, какими данными в исследовании демографической проблематики располагает наука.

Среди множества вопросов, которые шведские ученые стали обсуждать в связи с принятием концепции вожества, к изучению была подключена и демографическая проблематика, а именно — исследования таких факторов, как численность населения, а также количество и типы поселений в начальные периоды шведской истории (вендельский и викингский периоды) в различных исторических регионах Швеции.

Следует напомнить, что среди механизмов, движущих социальную эволюцию, численность населения и его рост являются одними из важнейших. Рост населения как фактор, влияющий на изменения в социополитических структурах, рассматривал Э. Сервис [Service 1975; 1978]. Р. Карнейро считал важнейшими механизмами политической эволюции рост численности населения и демографическое давление в условиях ограниченности среды [Карнейро 2006: 59–67]. Х. Классен отмечал, что для формирования сложного стратифицированного общества необходима достаточная численность населения. «Необходимое количество управленцев, слуг, придворных, священников, солдат, земледельцев, торговцев и т.д. можно обеспечить, если население исчисляется тысячами.

<...> Такая большая численность людей — членов одного общества — имеет некоторые следствия, самым важным из которых является потребность в более развитых формах управления...» [Классен 2006: 76–77]. Л.Е. Гринин характеризует вопрос о размерах политий как имеющий важное значение в социальной эволюции, поскольку «...чем больше населения в политике, тем выше (при прочих равных условиях) сложность устройства общества, поскольку новые объемы населения и территории могут требовать новых уровней иерархии и управления...» [Гринин 2006: 107]. Применительно к шведской истории исследованиями динамики демографического развития в течение I тысячелетия занимались такие шведские ученые, как О. Хиенстранд [1982; 2001], Б. Амбросиани [Ambrosiani 1964; 1973], К.-Х. ивен [Siven 1981], С. Велиндер [Welinder 1975; 1977; 1979] и др.

Хиенстранд для определения количества населения Швеции использовал археологический материал эпохи позднего железа (550–1050), в частности, обширный материал из захоронений. Хиенстранд подчеркивал, что такая характеристика, как определение количества населения, является фундаментальной при анализе социальных отношений в архаичных обществах. Основное внимание он уделил области Мэларен — историческому ядру шведского государства, — куда входит Упсала и современный Стокгольм и которая часто выступает синонимом для исторического политонима Свеярике. Данная область была хорошо обеспечена археологическим материалом и другими источниками для реконструкции заселения этого ландшафта в вендельский и викингский периоды. В своих исследованиях Хиенстранд исходил из сравнительного анализа количества погребений, количества населенных пунктов и исторических аналогий. Количество известных и зарегистрированных захоронений в области Мэларен доходило до 240 тыс. Хиенстранд предположил, что с учетом предложенного Амбросиани числа 2,2 как средней величины прироста можно было посчитать, что к концу XI — началу XII в. на территории находилось порядка 500 тыс. захоронений. Если распределить это число во времени на протяжении исследуемого археологического возраста в 25 столетий, то есть с 1400 до н.э. и до 1100 н.э., то получался результат в 20 тыс. захоронений в столетие.

Чисто гипотетически, по его мнению, можно было благодаря сопоставлению числа захоронений и числа поселений, выявленных археологами, а также используя исторические аналогии реконструировать количество населения в конкретной области в интересующий исторический период. Хиенстранд использовал данные археологических исследований Амбросиани, согласно которым количество поселений в районе Мэларен к концу викингского периода, то есть к середине XI в., достигало 4 тыс. Структура поселений к концу викингского периода была представлена отдельными дворами, то есть мелкими производительными единицами с одной семьей, иногда с двумя. Приняв число членов семьи за 10, Хиенстранд получил 40 тыс. человек населения, предположительно проживавшего на основных территориях области Мэларен к концу викингского периода [Hyenstrand 1982: 163–170]

Предпринимались и другие методы реконструкции, некоторые из которых Хиенстранд приводит в своей работе. Например, делались допущения, что захоронения отражали только часть количества населения. Могло иметься значительное число производителей, которые не захоранивались в соответствии с обычными нормами, отдельные детские захоронения были ограничены, области могли иметь отток населения, которое захоранивалось в других местностях и пр. Но Хиенстранд находил подобную аргументацию неубедительной.

При использовании исторических аналогий Хиенстранд продемонстрировал следующий ход рассуждений. По документам XIV в., общее число населения страны до эпидемии чумы, которая разразилась в Швеции к середине этого столетия (1350 г.), было 650 тыс. чел. Со ссылкой на подсчеты С. Сундквиста, который сообщал, что население области Мэларен к XVII в. насчитывало 205 тыс. человек, Хиенстранд высказал логичное предположение о том, что в XIV в. население области Мэларен было меньше 205 тыс. и что вполне реалистичным представляется количество в 150 тыс. человек. Если это количество принять за исходное, то с учетом принятых коэффициентов расчета, на начало XI в. получаем число около 45 тыс., что примерно соответствовало расчетам Хиенстранда, основанным на археологических

данных. Более точных расчетов, считает Хиенстранд, сделать не удастся [Huyenstrand 1982: 170–171; 2001: 137–140].

Подобная реконструкция количества населения с учетом коэффициентов прироста населения и смертности проводилась и относительно других регионов. На начало XI в. для Восточной Гёталанд / Östergötland предполагают 6 500 человек, для Западной Гёталанд / Västergötland — 5 700, для Смоланд / Småland — 7 800, Халланд / Halland (юго-западное побережье) — 1 200, Бохуслен / Bohuslän (севернее Халланда, там, где современный Гётеборг) — 3 тыс., Блекинге / Blekinge (часть южного побережья к востоку от Сконе) — 600 человек, Эланд / Öland (остров, вытянувшийся вдоль юго-восточного побережья Швеции) — 1 700, Дальсланд–Вэрmland / Dalsland–Värmland (запад средней Швеции, на границе с Норвегией) — 1 300, Нэрке / Närke (в центре средней Швеции, известна как часть Свеяланд, с юго-востока граничила с Восточной Гёталанд) — 890, Хэльсингланд / Hälsingland (расположена к северу от Упландии, упоминается Адамом Бременским как область, расположенная к северу от свеонов и населенная скридфиннами, то есть саамами) [Adam av Bremen 1984: 221] — 690 человек [Huyenstrand 1982: 174].

Если проанализировать данные по численности населения, то можно сказать, что данная численность, скажем, в области Мэларен не только к концу, но и в начале викингского периода (предположительно 30 тыс. чел.⁴) уже сама по себе могла бы быть достаточной для того, чтобы обеспечить разные уровни политической интеграции вплоть до оформления административного аппарата, выделившегося из общества, то есть численность была достаточной для образования даже раннего государства. Это подтверждается известными примерами. Так, Классен приводит примеры самых маленьких ранних государств Таити, население которых насчитывало порядка 5 тыс. человек [Классен 2006: 76]. Гринин отмечает, что 5 тыс. человек — это «самый-самый нижний предел для раннего государства. Это пограничная зона, поскольку и стадияльно догосударственные политии могут иметь такое и даже большее население. Особенно если речь идет о переходном периоде, когда догосударственное общество уже почти созрело к тому, чтобы перейти этот рубеж. С таким населением раннее государство появиться может, но

для этого нужны особо благоприятные условия, чаще всего наличие рядом других государств» [Гринин 2006: 109]. Далее Гринин приводит данные других авторов о численности населения малых ранних государств, часть из которых интересно упомянуть здесь, поскольку численность населения в них дополняется данными о площади проживания этого населения: «Дьяконов приводит интересные данные о предполагаемом населении городов-государств Двуречья (“номовых” государств, как он их называет) в III тыс. до н. э. Население всей округи Ура (площадью 90 кв. км) в XXVIII–XXVII вв. до н. э. составляло предположительно 6 тыс. чел. <...> Размер **типичного** (выделено автором. — Л.Г.) государства в Центральной Мексике накануне испанского завоевания составлял 15–30 тыс. чел. <...> А население одного из крупных государств майя I тысячелетия н. э. — города Тикаля с округой — составляло 45 тыс. человек (в том числе 12 тыс. чел. в самом городе), а площадь его равнялась 160 км²» [Гринин 2006: 109–110].

Из этих данных видно, что все малые государства образовывались в условиях «скуденности» проживания его населения: либо это были островные территории, либо городские, то есть территории, занимающие небольшие, ограниченные площади. Население шведских исторических регионов в вендельско-викингский период было рассеяно на гораздо больших пространствах и в отсутствии городской среды. Вычисitanное Хиенстрандом количество населения в 40–45 тыс. человек, имевшегося в области Мэларен (куда обычно включают регионы Упланд, Сёдерманланд и Вэстманланд) к началу XI в., проживало на площади примерно 29 987 км². Данные взяты из современных справочников, где площадь исторической области Упланд составляла 12 676 км², Сёдерманланд — 8 388 км², Вэстманланд — 8 923 км². Даже если учесть, что площадь Упланд в XI в. была меньше в силу того, что часть прибрежной полосы в этом регионе «прирастала» с течением времени за счет поднятия дна Балтийского моря, все равно площадь области Мэларен состояла из тысяч квадратных километров, а не из сотен, как это было в малых государствах из вышеприведенных примеров. Исторические области Швеции в вендельско-викингский период не были гомогенны по своей внутренней

структуре. Хиенстранд выделял в области Мэларен 12 под-регионов, на каждый из которых приходилось более 3 тыс. человек населения. Если многие из этих подрегионов, как указывают шведские исследователи, были отделены от соседей труднопроходимыми пустошами, то мы получаем естественное объяснение замедленного характера социополитической эволюции в Швеции. Карнейро назвал подобный фактор влияния, как вскользь упоминалось выше, теорией природных ограничений и подчеркивал, что «мы спокойно можем включить концентрацию ресурсов и средовую ограниченность как факторы, ведущие к войнам за землю и, значит, к политической интеграции над уровнем общины» [Карнейро 2006: 65]. Соответственно, если средовая ограниченность отсутствует, то отсутствуют или являются ослабленными и стимулы к политической интеграции над уровнем общины.

Данная мысль хорошо подкрепляется интереснейшими исследованиями шведского археолога Б. Амбросиани о типах поселений как данных по вендельско-викингской истории Упланд. На основе археологических данных Амбросиани пришел к выводу о том, что на социально-политическое развитие этой области большое влияние оказал такой геофизический феномен, как поднятие грунта дна Балтийского моря в течение всего послеледникового периода и за счет этого — постоянный прирост береговой полосы Упланд. Возможность заселять новые участки побережья обусловила появление новых крестьянских дворов за счет отселения части семей на новые участки. Этот процесс осуществлялся на протяжении многих столетий.

Особенности геофизического развития прибрежной части Упланд настолько интересны в общеисторическом контексте, что на них стоит остановиться подробнее, тем более что данная часть Упланд связывается и с древнерусской историей, поскольку носит название Руден / Рослаген и в течение примерно трех столетий предлагается норманистами в качестве «прародины» Руси⁵.

Следует напомнить, что Ботния в районе шведской прибрежной акватории начиная с послеледникового периода обнаруживает любопытный феномен постепенного подъема морского дна и прирастания за счет этого подъема новой

суши, новой береговой полосы. По исследованиям шведских ученых, уровень моря в районе, где сейчас расположен Рослаген, был как минимум на 6–7 м выше нынешнего. Даже в XI–XII вв., как пишет исследовательница из Упсалы Карин Калиссендорф, уровень моря был на 5 м выше, чем сейчас. Нынешнее озеро Мэларен было открытым заливом моря, а значительная часть береговой полосы была островками, более или менее выступавшими из воды [Calissendorf 1986: 11]. На рис. 1 (см. вклейку) на примере моста Вэстербрун показаны изменения уровня моря: высота моста — 26 м, поэтому этот мост взяли за эталон. Красные отметки: самая верхняя 25 м — уровень 2000 лет до н.э.; 10 м — 0 год; около 1000 г. н.э., то есть XI в., — 5 м. Таким образом, на картинке показано, как суша в прибрежной полосе восточной Швеции постепенно «вырастала» из моря (ср. с картой на рис. 2), и что в IX в. она почти полностью была под водой. Стокгольм — южная оконечность исторической области Руден.

Ниже приводятся фрагменты из сводной таблицы с данными об изменениях уровня водной поверхности в районе Мэларен, чуть севернее Риддар-фьорда, отсюда и разница в уровнях в один и тот же период: подъем суши не происходил равномерно в разных областях [Om Mälaren].

Время	Факты (относительно уровня воды)
1000 лет до н.э.	Около 14 м выше современного уровня
ок. 1000 (XI в.)	6–7 м выше современного уровня
ок. 1100 (XII в.)	Начинает формироваться мыс. За счет поднятия дна образовался порог, разделивший протоку в районе Старого города на два рукава: Сёдерстрём и Норрстрём
ок. 1200 (XIII в.)	Морской залив превратился во внутренний водоем. Береговая линия на 4 м выше, чем сегодня
1248/1266	Время правления Биргера Ярла и основание Стокгольма

Тот факт, что область Руден/Роден только к XIII в. стала представлять территорию с условиями, пригодными для регулярной человеческой деятельности, подтверждается как современными геофизическими исследованиями, так и данными источников. В научной литературе не раз указывалось на то, что название «Руден» впервые упоминается в Швеции в 1296 г. в Упландских областных законах, в котором одним

из указов короля Биргера Магнуссона повелевалось, что все, кто живет в Северном Рудене, должны следовать данным законам. В форме «Roslagen (Rodzlagen)» это название (также в текстах законов) появляется только в 1493 и далее в 1511, 1526 и 1528 гг. Как общепринятое название оно закрепилось еще позднее, поскольку даже при Густаве Вазе было в употреблении называть эту область Руден [Lijsing 1953–1955 / 1998: 4–8; Dahlbäck, Jansson, Westin 1972].

Первые достоверные сведения о прибрежной области на востоке Свитьод, ставшей впоследствии областью с названием Roden / Roslagen, мы получаем от Снорри Стурлусона, который в 1219 г. побывал в Швеции и получил от своих информантов ценные сведения о Свейской стране (Svthiod или Sveavälde в шведских переводах), в частности об ее административном делении, которые он привел в «Саге об Олаве Святом» («Круг земной»). Там сообщается, что собственно Свитьод состоит из пяти частей и что пятая часть — это Sjöland / Sæland, к ней же относится все, что лежит в море к востоку от нее («...den femte Sjöland och det som ligger därtill. Det ligger österut med havet») [Snorri Sturluson 1911: 36 ff.].

Было время, когда шведские исследователи, искавшие доказательств того, что название «Руден» существовало ранее, пытались убедить, что Снорри Стурлусон, говоря «все, что лежит к востоку в море», мог иметь в виду Руден. В некоторых шведских переводах «Саги об Олаве Святом» даже вместо Sjöland / Sæland смело подставлялось Руден⁶. Но название Sjölan / Sæland — это не Руден и таковым быть не могло. Sjöland (от sjö — ‘море’ и land — ‘земля, страна’), или нем. Seeland — это «мореландия», то есть уже не море, но еще и не земля. Это архипелаг, состоящий из островов, островков, выступающих над водной поверхностью, это суша в процессе образования. На ней еще мало и кустов, и деревьев, на ней еще так мало почвы, что ее покрывают лишь мхи и немного травы, стелющейся по каменистой поверхности и непонятно как цепляющейся за нее корнями. Эти островки — еще не земля, это ее костистая основа, выпирающая из воды и греющаяся под тусклым северным солнцем. В этом царстве камня еще нет места для кипучей человеческой жизни. Только редкие рыбацьи хибарки могли

закрепляться на влажной поверхности каменных выступов, хранящих борозды, оставленные на них ледниками (см. рис. 3–5). Вот что такое Sjöland / Seeland. Это, собственно, не топоним: это синоним архипелага — группы островов, не получившей еще собственного имени.

Данные Снорри Стурлусона — важное свидетельство того, что даже в его время прибрежная полоса будущего Рудена находилась в процессе формирования. Только к концу XIII в. части этого архипелага могли стать местом жительства для населения в таком количестве, которое уже представляло интерес и для королевской власти. Поэтому и потребовался вышеупомянутый указ 1296 г., в котором предписывалось, что отныне на население Северного Рудена будет распространяться тот же закон, которому подчинялось и население трех основных областей / земель (фолькланд) Упланд, а именно: Тиундаланд, Аттундаланд и Фьедрундаланд, известных с XI–XII вв. В книге [Nordström 1990: титул] приведены карты двух прибрежных областей (Тиундаланд и Аттундаланд), где пунктиром обозначена граница этих областей в XI в., отделявшая их от островной части (ср. с рис. 6). Из названий на картах видно, что освоение земель шло в направлении из внутриконтинентальных исторических областей к прибрежно-островной части, когда каждая из этих областей осваивала сначала свой Руден — свой стан для гребных судов, и только с самого конца XIII в. северная часть прибрежной полосы получила некий отдельный административный статус. Никаких реальных сведений о самостоятельных «помориях» с великим прошлым шведская история не имеет

Вывод напрашивается сам собой: только к самому концу XIII в. природные условия прибрежной полосы позволили включить для начала ее северную часть как новую административную единицу государства и объявить ее население подвластным королю свеев. Но, как обратил внимание П.М. Лийсинг, в выборах короля свеев по-прежнему участвовали только представители трех старых земель, но не население Рудена, которое, видимо, все еще не представляло, как бы сейчас сказали, интересного или сильного электората. Это простое объяснение того, почему названия *Руден* и *Рослаген* имеют позднее происхождение: имя появилось тогда, когда образовалась эта земля.

Проблема специфики геофизического развития восточного побережья Швеции известна давно, по крайней мере, шведским исследователям, и в последние десятилетия в шведской науке все активнее изучается влияние этого фактора в исторической ретроспективе. Однако полноценному использованию данных геофизики в шведской историографии явно мешает наследие мифов готицизма и рудбекианизма, отводивших местности Рослаген величественную роль уже в древности. Исторические химеры неохотно покидают человеческое сознание, которое до последнего пытается примирить величественные умозрительные картины воображаемого исторического прошлого с реальными данными современного научного опыта. Подобным эклектизмом проникнуты работы шведских историков старших поколений. Например, С. Тунберг (в 40–50-е гг. XX в. он был одним из ведущих шведских историков) писал, что невозможно понять начальный период шведской истории (в его определении, *äldsta Svetjuds historia*, с использованием названий из исландских саг), не приняв во внимание специфику географического развития области Упланд. Центр, откуда, на его взгляд, расходились лучи колонизации в южном, юго-восточном, восточном и северо-восточном направлениях, находился на границе между Упланд и Вэстманланд (современное западное побережье оз. Мэларн), то есть в глубине континентальной части, а не на побережье. Такая динамика определялась, пояснял Тунберг, естественными геофизическими факторами, в силу которых суша здесь медленно поднималась из моря и постепенно принимала те очертания, которые мы видим сегодня. Об этом свидетельствует даже само название — *Упланд*, что означает возвышенность вдалеке от моря, от побережья, то есть Упланд — это земля к северу от Мэларен и вокруг его изрезанного заливами побережья, напоминал Тунберг.

Эти географические и культурно-географические предпосылки оказывали, по его убеждению, существенное влияние на политико-административное развитие области Упланд. Когда юная *Svetjod* стала создавать свои морские силы, то они, скорее всего, изначально организовывались на базе трех внутренних земель (*folkland*): Тиундаланд, Аттуналанд и Фьед-

рундаланд. Но с течением столетий географическая основа Свеяланд изменялась. Прибрежная часть все больше поднималась из моря и становилась достаточной для заселения ее людьми и возделывания. Области Тиундаланд и Аттундаланд получили новые территории, что благоприятно сказалось на их развитии. Показательно, что поначалу новая прибрежная полоса рассматривалась как земля общего пользования и управлялась в соответствии с этим [Tunberg 1947: 10–12].

Изучение взаимодействия природных условий и исторического развития области Упланд получило интенсивное развитие с 60-х гг. прошлого века. Однако этот процесс обнаружил определенные особенности, отмеченные шведским историком-медиевистом Йораном Дальбеком, который занимался изучением области Руден. В статье «Подъем суши и освоение самых северных областей Упланд» он отмечал, что проблематикой подъема суши в прибрежной части Упланд занималось много шведских исследователей, но все они были либо представителями естественных наук, либо археологами, «... историки же не придавали большого значения данному феномену. <...> Но надо констатировать, что для различных частей прибрежной полосы, прежде всего для Упланд и Норланд <...> он играл значительную роль. При изучении северного Рудена мне стало очевидно, что изменения в соотношениях между водой и сушей должны были сыграть очень большую роль в истории освоения прибрежной полосы Упланд <...> основная часть той географической области, которую мы исследовали, довольно поздно поднялась со дна моря, и таким образом, возраст ее поселений намного моложе внутриконтинентальных поселений Упланд. Это обстоятельство повлияло естественным образом на развитие хозяйственной и политико-административной жизни данной области» [Dahlbäck 1972: 69].

Невнимание шведских историков к такому фактору, как позднее образование области Руден / Рослаген, носит скорее психологический, чем историографический характер. То же можно сказать и о российских скандинавистах-историках, в работах которых рассмотрению фактора подъема суши и прирастания благодаря этому новой береговой полосы восточной Швеции, насколько я могла заметить, внимания не уделялось⁷. Однако нельзя не согласиться с Дальбеком в том,

что данный фактор должен был существенным образом сказаться на всем социально-политическом процессе развития данной области, как минимум в хронологическом плане. И это хорошо подтверждается исследованиями шведских ученых последних лет, посвященными проблемам политогенеза в Швеции, где большую роль сыграли результаты археологических исследований области Упланд. Возвращаясь к этим исследованиям и прежде всего к работам Амбросиани, который подсчитал количество захоронений и сравнил эти данные со средними данными смертности для ранне-средневековых обществ. На основе полученных результатов он пришел к выводу о том, что основным типом поселения в викингский период в Упланд были одиночные обособленные дворы, а не деревни. Только в период, переходный после викингского, то есть самое раннее в конце XI в., стала появляться более плотная застройка и/или поселения типа малых деревень. До тех пор пока подъем грунта при упландском побережье давал новые участки земли, могло идти образование новых дворов, не требующее дробления старых дворов. Когда процесс образования новых земель замедлился, старые подворья стали разделяться на части и постепенно превращаться в деревни [Ambrosiani 1964: 209–210, 214, 223, 229–231]. Амбросиани также показал, что большее количество крупных дворов и так называемых королевских усадеб (*хусбюяп/husbyar*) хуторского типа, принадлежавших королю в целях содержания или размещения его самого и королевской свиты, было сосредоточено именно в областях, образованных за счет подъема грунта в более ранний период. Амбросиани сделал вывод о том, что короли с большей легкостью могли заявлять свои права на эти участки общинной собственности и присваивать себе часть участков, подаренных природой [Ibid.: 215–218, 231].

Выводы Амбросиани о типах поселений подкрепили исследования другого шведского археолога У. Спорронга. Он, исследуя историю развития поселений в Швеции, также пришел к выводу о том, что почти весь викингский период, а именно до начала XI в., основным типом застройки в области Мэларен был отдельный крестьянский двор, и только с начала XI в. начинают появляться коллективные поселения типа деревень. Направление развития организационных

тенденций в упорядочивании застройки поселений, распределении пахотных земель шло из внутриконтинентальных территорий к побережью. Центрами данных процессов в восточной Швеции были Эстергётланд, Нэрке и Фьедрундаланд. Название «Упланд», появившееся в Упландских областных законах, постепенно вытеснило и заменило прежние названия фолькландов (рис. 6).

В других частях Упланд, таких как Аттундаланд, организационные тенденции проявляются только ближе к концу викингского периода, а прибрежная полоса Руден начала вовлекаться в этот процесс еще позднее, не ранее конца XI в., поскольку Руден был почти не заселен в викингский период, население этой области стало прибывать только в последующие периоды [Sporrong 1971: 100, 102, 104, 195–196].

Выше уже отмечалось, что российские скандинависты сохраняют более консервативный подход в анализе социополитической эволюции в шведской истории. Подтверждением этому служат работы Е.А. Мельниковой (написанные совместно с В.Я. Петрухиным), посвященные анализу поселений типа *хюсбю/husaby*. Эти поселения рассматриваются авторами как свидетельства укрепления королевской власти в Швеции, что должно рассматриваться, по их мнению, как важный шаг в сложении шведской государственности. Поскольку в современной шведской медиевистике вопрос о *хюсбю* на протяжении последних десятилетий ставится совершенно иначе, считаю нужным остановиться на этой теме несколько подробнее. В статье «Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия)» [Мельникова, Петрухин 1986: 63–77] вышеупомянутые авторы писали следующее: «С VIII в. в Скандинавии наряду с тунами — племенными центрами возникает новый тип поселения, носивший название *hus(a)by*. В настоящее время известно около 70 раннесредневековых хюсабю в Швеции (преимущественно в Свееланде), 46 — в Норвегии, 9 — в Дании. Они рассматриваются как королевские усадьбы, управлявшиеся слугами конунга (*bryti*) и предназначенные для сбора дани с местного населения, в первую очередь в продуктовой форме, отчего именно хюсабю были местом остановки конунгов и их дружины во время постоянных переездов по подвластной территории. Све-

дения о королевских усадьбах, относимые уже к VII в., нередко в сагах. Формирование системы хюсабю в Сvealанде “Сага об Инглингах” прямо связывают со становлением Упсальского удела (Uppsala öd) — королевского домена.

В силу сложившегося типа расселения королевские усадьбы являлись поселениями хуторского типа <...> Наибольшая концентрация топонимов хюсабю отмечается на территории Упсальского удела. Нередко они расположены поблизости от границ сотен (херадов), то есть возникали на ранее неосвоенных землях <...> Формирование сети хюсабю как опорных пунктов королевской власти свидетельствует об усилении последней и ее стремлении закрепить за собой глубинные районы подчиненной территории, о ее противодействии племенным формам общественной организации, что означает важный шаг в сложении государственности» [Там же: 68–69]. Взгляды Мельниковой и Петрухина относительно *хюсбю* в шведской истории совпадают со взглядами шведских ученых, но только со взглядами шведских ученых старшего поколения, которые, как показано выше, находились под сильным влиянием готицизма и рудбекианизма и пытались удревнять шведскую историю в соответствии с мифами рудбекианизма. Совпадение во взглядах касается прежде всего времени возникновения *хюсбю*.

Такие шведские историки и археологи 20–40-х гг. прошлого века, как О. Альмгрен [1920], Б. Нерман [1932], С. Линдквист и др., относили появление *хюсбю* к VII в., так же, как это делают Мельникова и Петрухин. И современные российские авторы, и шведские учёные старшего поколения опирались исключительно на «Сагу об Инглингах» и на рассказы о том, что легендарный конунг Брет-Анунд (Braut-Önundr), жизнь которого шведский археолог Нерман относил как раз к VII в. (умер, согласно Нерману, в 640 г.), строил королевские подворья (О Брет-Анунде / Энунде см. также: [Джаксон 1993: 51–54, 220–221]).

Однако многое изменилось в шведской медиэвистике за последние десятилетия, особенно на новом этапе ее развития, начиная с 1970–80-х гг., как было показано в данной статье. Я определила бы динамику этого развития как размифологизирование шведской истории, освобождение ее от

«причуд фантазий» прежних времен. Коснулись эти перемены и взглядов на *хюсбю*. Возникновение *хюсбю* никто больше не относит к таким отдаленным временам, как VII в. Уже археолог Кейт Вийкандер (Keith Wijkander), исследовавший южную часть области Мэларен, выдвинул в 1983 г. предложение относить появление *хюсбю* в Швеции к XII в. Он обнаружил, что не прослеживается привязка между большинством *хюсбю* и захоронений в исследуемой области. Это привело его к выводу о том, что *хюсбю* устраивались на основе более старинных поселений и, следовательно, датировка их появления — более сложный вопрос. Вийкандер пришел к убеждению о том, что *хюсбю* в Швеции явились не результатом длительного внутреннего исторического процесса, а возникли где-то в XII в. и просуществовали довольно короткий период [Wijkander 1983].

Археологи М.Г. Ларссон и Б. Амбросиани, исследуя типы административного деления, высказали сходные предположения о том, что появление *хюсбю* можно отнести к X в. [Ambrosiani 1985: 35; Larsson 1987: 48 ff.]. Однако через несколько лет М.Г. Ларссон, исследуя рунические камни, обнаруженные на территории *хюсбю*, пришел к выводу о том, что *хюсбю* могли возникнуть в период, следующий за возведением рунных камней, то есть не ранее, чем в XI — начале XII в. [Larsson 1997: 183].

Современная шведская исследовательница Анн Линдквист, обобщая результаты изучения феномена *хюсбю*, вынуждена была признать, что более чем столетняя история изучения этого вопроса с использованием филологических, исторических и археологических данных пока не дала ответов на два основных вопроса: о времени возникновения *хюсбю* и их назначении. Только в форме гипотез, напоминает она, высказывались предположения о том, что *хюсбю* были местами сбора дани и выполнения судебных функций. Однако материала, прежде всего археологического, было недостаточно. Некоторые ученые пытались исходить из филологических соображений, истолковывая первую часть слова *husa-* в значении административного центра, как, например, Л. Хельберг [Hellberg 1979].

Были попытки связать слово *husa-* с понятием *visthus*, то есть ‘продуктовый склад’, и таким образом доказать, что *хюс-*

бю были пунктами сбора продуктовой дани, которая складировалась и использовалась для содержания короля и его окружения в период их наездов [Ståhle 1948]. Но как отмечает Анн Линдквист, определенная система сбора дани или налогов в пользу королей сложилась в Швеции не ранее XIII в. Более ранние системы даней и поборов носили региональный или местный характер, то есть находились в руках общин или объединений общин. Так было, например, в области Мэларен, где известны коллективные поборы для содержания местного флота. Поэтому, согласно наблюдениям А. Линдквист, все высказанные гипотезы, пытавшиеся конкретизировать функции *хюсбю* в качестве растущих центров королевской власти как центральной, не обеспечены источниками. Другие попытки привязать их к известным военно-административным единицам (*hund*, *hundare*, *skeppslag*) показали, что некоторая часть *хюсбю* позволяет обнаружить такую связь, другая часть выпадает из нее. Например, в некоторых частях Упланд в рамках системы сотен — *hundare* — на одну сотню приходилось по две *хюсбю*, а в других не было ни одной. В одних регионах области Мэларен существовало подразделение на сотни — *hundare*, но не было *хюсбю*, а в регионе Нэрке / *Närke* были обнаружены четыре *хюсбю*, но этот регион, как известно, не входил в систему сотен [Lindkvist 2003: 323–350].

Приведенный краткий историографический обзор проблематики, связанной со шведскими *хюсбю*, показывает, что ее изученность в шведской медиевистике пока не позволяет делать каких-либо категорических выводов о том, какую роль данная система поселений играла в истории шведского политогенеза. На фоне данного обзора выводы вышеупомянутой работы Мельниковой и Петрухина выглядят не только безнадежно устаревшими, но и обнаруживающими прямую генетическую связь с историографической традицией мифологизации шведской истории. Современные исследования не подтверждают масштабные выводы этих авторов как о том, что *хюсбю* были предназначены для сбора дани с местного населения, так и их ранний генезис.

Поскольку вопрос о природе *хюсбю* находится по-прежнему в процессе исследования, позволю высказать собственное предположение о генезисе этого явления. В «*Sage ob Inglingah*» рассказывается, что Фрей, приняв правление

после Ньёрда, построил в Упсале большой храм и сделал его главным местом своего пребывания. В дар храму Фрей принес все свои богатства и земли, и от этого дарения возникло Упсальское угодье / Uppsala öd (Мельникова переводит его как «Упсальский удел», что, по-моему, не совсем корректно, поскольку вызывает слишком прямые исторические параллели с терминологией средневековой русской истории, которые редко бывают оправданы. Как мне представляется, точнее передавать *öd* словом «угодье»)⁸.

Система *хюсбю* отождествляется с понятием *Upsala öd* / Упсальское угодье, которое прирастало за счет возникновения новых *хюсбю*. Судя по всему, за метафорическими образами «Саги об Инглингах» стоит рассказ о системе дарообмена (реципрокности), типичной для обществ на архаичной стадии социо- и политогенеза. Архаичные системы могут возрождаться в рамках явления «вторичной эгалитаризации» (см.: [Коротаяев, Блюмхен 1991]), что вполне вписывается как в общую картину политогенеза в шведской истории, так и объясняет непонятное появление *хюсабю* в течение короткого периода в XII в.

Выводы

1. Исследования проблематики шведского политогенеза осложнялись давней традицией мифологизировать шведскую историю.

2. Точкой отсчета в исследованиях шведского политогенеза служили события, отражающие отношения между двумя этносоциальными союзами на территории Швеции — свеями и гётами, позволяющими определить время их объединения под властью одного правителя, что отождествлялось с образованием шведского государства.

3. В русле названной традиции анализировались античные и раннесредневековые источники, в которых, как предполагалось, упоминались свеи и гёты. С опорой на Тацита, Иордана, Прокопия, эпос «Беовульф» и исландские саги исходным рубежом для политической истории Швеции определяли либо время Тацита, либо середину VI в. Данные этих источников рассматривали как бесспорные свидетельства раннего возникновения шведского государства — рике.

4. В довоенный период в шведской историографии появилось критическое отношение к архаизации истории шведской государственности, формирование которой, по мнению ряда ученых, следовало относить только к середине XI в. Но при новом взгляде процесс образования шведского государства растягивался на тысячелетие, поскольку свионы Тацита по-прежнему определяли точку отсчета, а образование государства по-прежнему связывалось с объединением земель свеев и гётов.

5. Попытки исследовать шведский политогенез преимущественно через объединение земель свеев и гётов показали со временем, что эта концепция недостаточно подкреплена источниками, что сам политогенез был более растянут во времени, чем это предполагалось ранее, и что объединение свеев и гётов является важным, но не единственным фактором социополитической эволюции.

6. Все попытки доказать объединение земель гётов и свеев ранее, чем в XII–XIII вв., не увенчались успехом. Выявилось, что и сама территория свеев вплоть до XI в. не представляла прочного объединения с надлокальной властью (Т. Линдквист, Д. Харрисон).

7. С конца 1970-х — начала 1980-х гг. в шведской науке была воспринята концепция вожества, начавшая развиваться в западной политической антропологии с 60-х гг. Под влиянием новых взглядов и концепций о ранних формах политической организации прежние устои шведской историографии, такие как союз свеев и гётов — основа формирования шведской государственности, стали подвергаться пересмотру.

8. Исследование шведского политогенеза на новой теоретической основе привело к пониманию того, что путь к шведской государственности был весьма долгим, а его формы не выходили за пределы догосударственных образований как в течение всего вендельско-викингского периода (VI–XI вв.), так и столетие после него. По мнению шведского археолога Хиенстранда, вопрос о конкретных организационных формах в рамках шведских исторических регионов является недостаточно изученным.

9. Замедленный характер шведской социополитической эволюции в значительной степени определялся, на мой взгляд, спецификой демографического развития и слабым влиянием

такого фактора, как средовая ограниченность, а также особенностями самой природной среды, в частности геофизическими факторами развития.

¹ Гёты и свеи — названия этнических общностей, определяемых часто как племена и племенные объединения, на территории средневековой Швеции. Свеи и гёты явились основными этносоциальными субъектами в процессе формирования государства в Швеции. Название Швеции происходит от имени свеев: Svea rike, или Королевство свеев. Имя гётов прослеживается в названиях таких исторических областей, как Вэстергётланд (Västergötland) с городом Гётеборгом, и Эстергётланд (Östergötland).

² В истории Швеции особо выделяется викингский период / Vikingatiden (800–1050), за которым следует средневековый период / Högmedeltiden (1050–1389).

³ В соответствии с предложением Д.М. Бондаренко, Л.Е. Гринина и А.В. Коротаева, под термином «*политогенез*» я понимаю «...процесс формирования сложной политической организации любого типа, что выглядит более обшнованным также и с точки зрения этимологии: слово *politeia* в античной Греции обозначало политический порядок любого типа, а не только государство» [Бондаренко, Гринин, Коротаев 2006: 27].

⁴ В работе Хиенстранда приводится более обширная демографическая статистика области Мэларен, в рамках которой для показа динамики демографического развития приводятся данные начиная с первых веков н.э.: 100 г., 500 г. и 1050 г., то есть конец эпохи железа в Швеции и конец эпохи викингов. В области Мэларен на начало н.э. (100 г.) предположительно было 3 тыс. человек, к началу VI в. (500 г.) — 9 500 и, соответственно, к концу викингской эпохи, как было приведено в тексте статьи, 40/43 тыс. [Huyenstrand 1982: 174]. Но тогда в IX в. в самой населенной части Свеяланда могло быть, при равных благоприятных условиях, не более 30 тыс. человек. Мы не располагаем данными о том, какие земли еще находились под рукой короля свеев. Известно только, что процесс объединения вокруг упсальской династии проходил медленно, и был растянут на столетия. Вероятнее всего, ядро свейских земель не выходило за пределы области Мэларен. Но страна, общее число населения которой, включая стариков, больных, женщин и детей, составляло не более 30 тыс., явно не могла обеспечить ни материальными, ни человеческими ресурсами те грандиозные походы в Восточную Европу, которые грезятся современным норманистам.

⁵ Одним из основных аргументов для доказательства вышеприведенного утверждения является лингвистический экзерсис с конструированием имени «*Русь*» из др.-сканд. слов с основой на **rofs-*, типа

roÞsmrd̄r, roÞskrl со значением «гребец, участник похода на гребных судах», что, по мнению норманистов, связывает происхождение имени «Русь» со шведским Рослагеном через посредство финского названия Швеции Ruotsi, Rootsi, для чего предлагались возможные исходные формы: др.-шв. Rōdh̄sin — название жителей области Рослаген (Roslagen < *Roþslagen, совр. Руден — Roden) на восточном побережье Швеции из др.-герм. *rōds... [Мельникова, Петрухин 1989: 24–38; 1991: 296–304], но ни одна из них пока не была обнаружена. Однако лингвистика здесь не может играть решающей роли, поскольку данная земля или прибрежная полоса, получившая название Руден в конце XIII в., не только в IX в., но и в X в. как физико-географический субъект практически не существовала.

⁶ Например, в шведском издании С. Стурлусона в переводе Эмиля Ольсона (см.: [Norges Konungasagor. 1–3. Snorre Sturlusson / översatta av Emil Olson. Lund, 1919–1926. Kapitel 77: «Om landsindelning och lagar i Svithiod»]) вместо Sæland / Sjöland Э. Ольсон подставил Roden, выдавая желаемое за действительное.

⁷ Факт довольно позднего образования (не ранее XI–XII вв.) прибрежной полосы Руден / Рослаген как физико-географического объекта делает бессмысленными лингвистические усилия норманистов использовать эти топонимы для производства некоего «походного названия» (В.Я. Петрухин) выходцев из этой местности, которое уже якобы в IX в. могло превратиться в имя Руси.

⁸ Слово *öð* (исл. и др.-норв. *auðr* и др.-восточносканд. *øð*) в современном шведском переводится как *rikedom* / *богатство*.

Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2006. Альтернативы социальной эволюции // РГАА.

Вольфрам Х. 2003. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб.

Грот Л.П. 2008. Гносеологические корни норманизма // ВИ. 2008. № 8.

Грот Л.П. 2009. Генезис древнерусского института княжеской власти // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории старого света (Труды Государственного Эрмитажа. XLIX). СПб.

Грот Л.П. 2010а. Утопические истоки норманизма: мифы о гиперборейях и норманизм // Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 1. М.

Грот Л.П. 2010б. Путь норманизма от фантазии к утопии // Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 2: Варяго-русский вопрос в историографии. М.

Джаксон Т.Н. 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.

- Карнейро Р.Л.* 2006. Теория происхождения государства // РГАА.
- Классен Х.Дж.М.* 2006. Было ли неизбежным появление государства? // РГАА.
- Кортаев Н.Н., Блюмхен С.И.* 1991. Введение. Узловые проблемы социологии развития архаических обществ // АО. Ч. I.
- Крадин Н.Н.* 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // РФПО.
- Лебедев Г.С.* 1974. Шведские погребения в ладье VII–XI веков // Скандинавский сборник. Вып. XIX. Таллин.
- Мельникова Е.А.* 2008. Свеаланд и Гауталанд: формирование древнешведского государства в региональной перспективе // Шведы. Сущность и метаморфоза идентичности. М.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* 1986. Формирование сети раннегородских центров и становление государства // История СССР. № 5.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* 1989. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. № 8.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* 1991. Комментарий к гл. 9 // Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, перевод, комментарий. 2-е изд., доп. М.
- Нильсен Й.П.* 1992. Рюрик и его дом. Опыт идейно-исторического подхода к норманскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск.
- Рыбаков В.В.* 1999. Древнейшие сведения о племенах, населявших территорию современной Швеции // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М.
- Рыбаков В.В.* 2008. Житие Святого Сигфрида // Хроника Адама Бременского и первые русские миссионеры в Скандинавии. М.
- Сванидзе А.А.* 1999. Первые письменные свидетельства о шведах и возникновении Швеции // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М.
- Adam av Bremen.* 1984. Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar / översatt av E. Svenberg, kommenterad av C. F. Hallencreutz, K. Johannesson, T. Nyberg, A. Pilz. Stockholm.
- Ambrosiani B.* 1964. Fornlämningar och bebyggelse. Studier i Attundalands och Södertörns förhistoria. Uppsala.
- Ambrosiani B.* 1973. Gravbegreppet i grävningsstatistiken. Tor.
- Ambrosiani B.* 1985. Södermanland mellan forntid och medeltid // Fornvännen, årg 80.
- Andersson I.* 1943. Sveriges historia. Stockholm.
- Calissendorf K.* 1986. Ortnamn i Uppland. Stockholm.
- Carlsson S., Rosen J.* 1969. Svensk historia. Tredje upplaga. Stockholm.
- Cullberg C., Jensen J., Mikkelsen E.* 1978. Udvexlingssystemer i Nordens forhistorie // NAM Förlag. Stencil. LAN Produkter. Stockholm.

Dahlbäck G. 1972. Landhöjning och bebyggelse i nordligaste Uppland // Förnvännen.

Dahlbäck G., Jansson B., Westin G. 1972. Norra Roden // Det medeltida Sverige (DMS). Uppland. Band 1. Hefte 1.

Folkland // URL: <http://sv.wikipedia.org/wiki/Folkland>.

Friberg N. 1974. Vikingatidens befolkning i Mälarnlandskapet. Stockholm.

Gahrn L. 1988. Sveariket i källor och historieskrivning. Göteborg.

Harrison D. 2009. Bygdemakt // Sveriges historia. Stockholm.

Hedeager L. 1978. Bebyggelse, social struktur og politisk organisation i Østdanmarks ældre og yngre romertid // Fornetid og nutid. Band XXVII. Hefte 3.

Hellberg L. 1979. Forn-Kalmar. Ortnamnen och stadens förhistoria // Kalmar stads historia. 1. Kalmarområdes forntid och stadens äldsta utveckling. Tiden intill 1300-talets mitt / red. I. Hammarström. Kalmar.

Hyenstran Å. 2001. Lejonet, draken och korset. Sverige 500–1000. Lund: Studentlitteratur.

Hyenstran Å. 1974a. Centralbygd — Randbygd. Strukturella, ekonomiska och administrativa huvudlinjer i mellansvensk yngre järnålder. Stockholm.

Hyenstran Å. 1974b. Järn och bebyggelse. Falun.

Hyenstran Å. 1982. Forntida samhällsformer och arkeologiska forskningsprogram. Stockholm.

Johannesson K. 1982. Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm.

Kjellberg C.M. 1902. Den äldsta svenska konungatiteln // Bidrag till Sveriges medeltidshistoria tillägnade c.g. Malmström. Uppsala.

Kristiansen K. 1981. Economic Models for Bronze Age Scandinavia — towards an Integrated Approach / Economic Archaeology (BAR International Series № 99).

Lagerqvist L.O. 1970. Svenska mynt under vikingatid och medeltid (ca 995–1521) samt gotländska mynt (ca 1140–1565). Stockholm.

Lagerqvist L.O. 1976. Sverige och dess regenter under 1000 år. Norrtälje.

Lagerqvist L.O. 1996. Sveriges regenter. Från forntid till nutid. Stockholm.

Landhöjningen i Stockholm // URL: http://sv.wikipedia.org/wiki/Landh%C3%B6jningen_i_Stockholm.

Larsson M.G. 1987. Hamnor, hysabyar och ledung (University of Lund. Institute of Archaeology. Report Series. № 29). Lund.

Larsson M.G. 1997. Från stormannagård till bondby. En studie av mellansvensk bebyggelseutveckling från äldre järnålder till medeltid (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°. № 26). Lund.

Latvakangas A. 1995. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku.

Lijssing P.M. 1953–1955/1998. Roden och Roslagen, rospiggar och ruser // Hundare och skeppslag. XI. Norrtälje; Stockholm.

Lindfors M. Webbkusten Bildbyrå // URL: <http://www.webbkusten.com>

Lindkvist A. 2003. Husby i Glanshammar. Ett belysande exempel // Mittens rike. Arkeologiska berättelser från Närke (Riksantikvarieämbetet Arkeologiska undersökningar. Skrifter № 50) / red. Leif Karlenby. Stockholm.

Lindqvist S. 1952. Svea rikets ålder // Arkeologiska forskningar och fynd. Stockholm.

Lindqvist T. 1995. Plundring, skatter och den feudala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid. Uppsala.

Lindroth S. 1961. Göticismen // Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid. B. VI. Malmö.

Linkvist Th., Sjöberg M. 2008. Det svenska samhället 800–1720. Klerkernas och adelns tid. Lund: Studentlitteratur.

Nerman B. 1925. Svenska rikets uppkomst. Stockholm.

Nerman B. 1941. Sveriges rikets uppkomst. Stockholm.

Nerman B. 1956. När kom Västergötland under svearnas välde? // Västergötlands fornminnesförenings tidskrift.

Nordström A. 1990. Roslag. Stockholm.

Nordström J. 1934. Götisk historieromantik // De yverbörnes Ö. Stockholm.

Nordström J. 1975. Johannes Magnus och den götiska romantiken. Akademiska föreläsningar 1929. Stockholm.

Näsman U. 1988. Analogislutning i nordisk jernalderarkeologi. Et bidrag til udveklingen af en historisk etnografi. I: Fra stamme til stat i Danmark (Jysk Arkæologisk Selskabs. Skrifter XXII). Aarhus.

Näsman U. 1993. Från Region till Rike. I: Fra stamme till stat. Om danernas etnogenes och om den danska ruksbildningen // META. № 3–4. Lund.

Ohlmarks Å. 1971. Svearna i saga och hävd / Illustrerad av E. Palmquist. Haimstad.

Om Mälaren // URL: <http://ame.ljungdahl.info/malaren/MALAREN.HTM>.

Postglacial landhöjning // URL: http://sv.wikipedia.org/wiki/Postglacial_landh%C3%B6jningen.

Procopius 1953 — Procopius, with an English Translation by H.B. Dewing. III. History of the Wars. Book V and VI. L.

Randsborg K. 1980. The Viking Age in Denmark. L.

Rosen J. 1966. Sveriges politiska enande // Den svenska historien. I. Stockholm.

- Rudbeck O.* 1937. Atland eller Manheim. Första delen. Uppsala; Stockholm.
- Sawyer P.* 1988. «Landamæri I»: the Supposed Eleventh-Century Boundary Treaty between Denmark and Sweden // Festschrift til Olaf Olsen 60-års dagen. København.
- Schmid T.* 1931. Den helige Sigfrid. Lund.
- Service E.* 1975. Origins of the State and Civilization. N.Y.
- Service E.* 1978. Classical and Modern Theories of the Origins of Government // OS.
- Siven C.-H.* 1981. Metoder för beräkning av förhistoriska populationer: C-uppsats. Stencil. Stockholm.
- Snorri Sturluson.* 1911. Heimskringla. Norges Konunga sögur /utgivet af Finnur Jonsson. København.
- Sporrong* 1971. Kolonisation, bebyggelseutveckling och administration. Lund.
- Stjerna K.* 1905. Svear och götar under folkvandringstiden // Svenska fornminnesföreningens tidskrift.
- Stähle C.I.* 1948. Om vår äldsta jordebok. Vårfruberga klostrets godsförteckning // Namn och bygd, årg. 36. Uppsala.
- Svennung J.* 1967. Zur geschichte des goticismus. Stockholm.
- Svennung J.* 1974. Skandinavien bei Plinius und Ptolemaios. Kritisches-exegetische Forschungen zu den ältesten nordischen Sprachdenkmälern. Uppsala.
- Sveriges regeringsformer 1891 — Sveriges regeringsformer 1634–1809 samt konungaförsäkningar 1611–1800 / utgiven av E. Hildenbrand. Stockholm.
- Tacitus.* 1969. Germania. Stockholm.
- Tunberg S.* 1911. Studier rörande Skandinaviens äldsta politiska indelning. Uppsala.
- Tunberg S.* 1947. Rod och Roslag i det gamla Sveariket // Det levande förflutna. Svenska historiska föreningens folkskrifter. № 11. Stockholm.
- Weibull C.* 1915. Saxo. Kritiska undersökningar i Danmarks historia från Sven Estridsens död till Knut VI // Historisk tidskrift för Skåneland. № 6.
- Weibull C.* 1921. Om det svenska och det danska rikets uppkomst // Historisk tidskrift för Skåneland. № 7.
- Weibull C.* 1922. Sveriges och Danmarks äldsta historia. En orientering. Lund.
- Weibull C.* 1957. Goternas utvandring från Sverige // Scandia.
- Weibull C.* 1964. Källkritik och historia: Norden under äldre medeltiden. Stockholm.
- Weibull C.* 1974. Geaten des Beowulfepos und Die dänischen Trelleburgen. Zwei Diskussionsbeiträge // Actae regiae societatis scientiarum et litterarum gothoburgensis. Humaniora 10. Göteborg.

Weibull L. 1911. Kritiska undersökningar i Nordens historia omkring år 1000. Lund.

Weibull L. 1913. Historisk-kritisk metod och nordisk medeltidsforskning. Lund.

Weibull L. 1934. Upptäckten av den skandinaviska Norden // Scandia.

Welinder S. 1975. Prehistoric Agriculture in Eastern Middle Sweden. Lund.

Welinder S. 1977. Ekonomiska processer i förhistorisk expansion. Lund.

Welinder S. 1979. Prehistoric Demography. Lund.

Wessen E. 1969. Nordiska folkstam och folknamn // Fornvännen.

Wijkander K. 1983. Kungshögar och sockenbildning. Studier i Södermanlands administrativa indelning under vikingatid och tidig medeltid. Stockholm.

Önnerfors A. 1969. Cornelius Tacitus. Germania / originalets text med svensk tolkning jämte inledning och kommentar av Alf Önnerfors. Stockholm.

Рис. 1. Изменения уровня моря из-за подъема его дна в различные исторические периоды на фоне моста Вэстербрун в Риддар-фьорде, Стокгольм [Landhöjningen i Stockholm]

Рис 2. Подъем дна в Ботнии и Финляндии за 11 тыс. лет [Postglacial landhöjning]

Рис. 3. Один из видов Рослагена — Skarven [Nordström 1990: 9]

Рис. 4. Другой вид Рослагена [Nordström 1990: 15]

Рис. 5. Один из видов Рослагена — Хювудшэр (Huvudskär)
[Lindfors]

Рис. 6. Реконструкция административного деления Средней Швеции на земли / фолькланды, складывавшегося с XI в. и отраженного в Упландских областных законах.
 Красный = Тиундаланд, бирюзовый = Аттуналанд,
 желтый = Руден, зеленый = Фьедрундаланд [Folkland]